

Философская Библиотечка для Юношества

В.Е.Кемеров
ВЗАИМО-
ПОНИМАНИЕ

Философская библиотечка для юношества

В.Е. Кемеров

ВЗАИМО- ПОНИМАНИЕ

**Некоторые философские
и психологические проблемы**

Москва
Издательство
политической
литературы
1984

88.5
K35

Scan+DjVu: AlVaKo
13/05/2025

Р $\frac{0304000000-225}{079(02)-84}$ 166—83

© ПОЛИТИЗДАТ, 1984 г.

Введение

Человек, формируясь и развиваясь в обществе, включается во множество социальных связей, взаимодействует с самыми разными людьми, по самым разным поводам. В процессе этого взаимодействия происходит обмен как материальными вещами, так и опытом, идеями, чувствами, настроениями. Весь спектр этих многогранных, многосторонних связей, охватываемый понятием «общение», предполагает установление определенного взаимопонимания между людьми.

Вряд ли нужно кого-то убеждать в том, как важно взаимопонимание в жизни человека. Оно нужно всем: детям и их родителям, юношам и девушкам, только вступающим в жизнь, зрелым и пожилым людям, имеющим большой опыт за плечами,— словом, людям самых разных возрастов, занятий, характеров. Взаимопонимания ждут, ищут, требуют, пишут об этом в газеты.

Человек хочет понять то, что окружает его, самого себя, других людей. Но еще больше ему хочется, чтобы *его* поняли. В самом слове «взаимопонимание» отражен двусторонний характер этого процесса. Вспомним, как юный герой фильма «Доживем до понедельника», пытаясь определить свое понимание счастья, написал в школьном сочинении: «Счастье — это когда тебя понимают».

Каждый из нас сталкивается с проблемой взаимопонимания прежде всего в отношениях с близкими людьми — с теми, с кем мы волею обстоятельств находимся в тесном контакте: с нашими родными, сослуживцами, друзьями. Поэтому обычно мы воспринимаем взаимопонимание как *характеристику личностных связей между людьми*. В этой книжке мы попытаемся взглянуть на взаимопонимание также и с иной его стороны, увидеть в нем одну из важных *характеристик функционирования социальных связей, неперенное условие деятельности людей*.

Актуальность и важность именно такого подхода к взаимопониманию определяется многими обстоятельствами современной жизни. Чем больше роль человеческого фактора в решении социальных, экономических, идеологических задач нашего общества, чем выше уровень внутренней культуры человека, тем большее практическое значение приобретает взаимопонимание. Коллективный труд, все теснее спланивая, объединяя людей, требует, чтобы каждый человек не только выполнял свои производственные функции, но и вполне отчетливо сознавал, как процесс и результаты его деятельности влияют на окружающих. От общей слаженности действий, от того, насколько развито взаимопонимание в трудовом коллективе, зависят качество и эффективность работы бригады, группы, учреждения, предприятия, в конечном счете общества в целом. От этого же зависит и то, в какой мере человек может реализовать себя в труде, развить свои индивидуальные способности.

Возрастает значение понимания и взаимопонимания как способности ориентироваться в новых условиях, в новой обстановке, как умение преодолеть устоявшиеся стереотипы поведения и мышления, изменить, если необходимо, свои собственные позиции, отказаться от

устаревшей точки зрения, то есть возрастает значение взаимопонимания в воспитании чувства нового. Сейчас, когда происходит стремительное развитие всех областей общественной жизни, стоит задача не столько вооружить людей готовой суммой сведений, известным и доступным знанием, сколько развить в них способность самостоятельно понимать быстро меняющийся окружающий мир и людей, меняться вместе с ними.

Мощное и все возрастающее воздействие человека на природу, те проблемы, с которыми в силу этого сейчас сталкивается человечество, наглядно показывают, что дальнейшее освоение человеком природы невозможно без понимания им своего собственного места в ней, что отношение к ней тоже носит своего рода форму контакта, условия которого накладывают на деятельность людей определенные ограничения, диктуют определенные правила поведения, предполагают заботу о сохранении природного равновесия.

Что имеют в виду, когда говорят о необходимости превращения знаний в убеждения, формирования у каждого человека ясной, определенной гражданской позиции, которую он отстаивал бы в любых обстоятельствах и в соответствии с которой бы активно действовал? Прежде всего способность личности так глубоко понимать потребности, интересы, нужды общества, чтобы они уже перестали казаться чем-то чуждым, навязанным извне и воспринимались как созвучные ее собственным интересам, установкам. Формирование такой способности не только дело воспитания, как целенаправленной деятельности людей, но и естественное следствие всего жизненного уклада, особенностей социализма как общественного строя, который делает возможным органическое сочетание личных и общественных интересов. Таким образом, понимание человеком актуальных проблем и тенденций общественного развития и на

основе этого укрепление взаимопонимания с другими людьми становятся все более необходимыми, приобретают все большую социальную ценность. «...Социалистически воспитанным является лишь тот человек, которому безразличны не только собственные трудовые успехи, благополучие, авторитет, но и дела товарищей по работе, трудового коллектива, интересы всей страны, трудящихся всего мира» ¹.

Итак, взаимопонимание оказывается проблемой, тесно связанной с решением важных задач, стоящих перед нашим обществом, оно является своего рода «сквозной» комплексной проблемой, требующей специального и вместе с тем целостного, многостороннего осмысления. Надо сказать, что философия, социология, педагогика, психология (а в самое последнее время и естественные науки) пока только нащупывают свои подходы к ней. Всестороннее ее осмысление — во многом еще дело будущего. Вместе с тем, поскольку проблема эта очень важна и непосредственно затрагивает жизненные ориентации каждого человека, ее рассмотрение (хотя бы и в самой общей форме) представляется необходимым уже сейчас. При этом важно найти такой способ, ракурс изложения темы, который не дал бы ей раствориться в массе родственных вопросов (функционирование коллективов, общение, механизмы социальных связей) и вместе с тем в возможно более лаконичной форме позволил бы раскрыть суть проблемы, заглянуть в самую ее сердцевину.

Одно из требований марксистской методологии при изучении отдельных сторон, явлений жизни общества заключается в том, чтобы эти явления рассматривались

¹ Андропов Ю. В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР. М., 1983, с. 9.

в развитии. В. И. Ленин писал: «Самое надежное в вопросе общественной науки... это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹. Поэтому сначала мы обратимся к истокам взаимопонимания, к тому, как оно зарождалось вместе со становлением человеческой общности, человеческого коллектива. Конкретным материалом, который поможет раскрыть эту сторону проблемы взаимопонимания, нам послужит охота первобытных людей.

Взаимопонимание возникает из совместной деятельности людей. И это понятно. Будучи социальным существом, человек может осознать себя только через других людей, через всю совокупность своих отношений с ними. К. Маркс пишет о человеке: «Так как он рождается без зеркала в руках... то человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку. Вместе с тем и Павел как таковой, во всей его павловской телесности, становится для него формой проявления рода «человек»². Каждый человек проходит свой индивидуальный путь в овладении навыками взаимопонимания, в развитии соответствующих способностей. И в то же время в этом процессе есть свои закономерности. Вот на этих особенностях и закономерностях, связанных с ролью взаимопонимания в становлении личности, мы и сосредоточим внимание во второй главе.

Несомненно, взаимопонимание играет важную роль

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 62.

на протяжении всей жизни человека. В производстве и в быту, в общественной и личной жизни создается множество ситуаций, разрешение которых требует нового скачка, нового круга, нового уровня в понимании других людей, самого себя, окружающего мира. Жизнь заставляет человека постоянно развиваться и совершенствоваться.

Без большой работы по духовному развитию людей, отмечалось на июньском (1983 года) Пленуме ЦК КПСС, немислимо дальнейшее совершенствование социалистического общества. Не случайно «партия добивается того, чтобы человек воспитывался у нас не просто как носитель определенной суммы знаний, но прежде всего — как гражданин социалистического общества, активный строитель коммунизма, с присущими ему идейными установками, моралью и интересами, высокой культурой труда и поведения»¹.

Задачу всестороннего развития людей, обогащения их внутреннего мира призвано решать и искусство как область, сфера человеческого духа, ориентированная в первую очередь на то, чтобы культивировать в человеке человеческое, учить его сопереживать, сочувствовать, сопонимать. Особенно наглядно это представлено в театре, где происходит непосредственное взаимодействие зрителя с создателями спектакля, художниками, где существует прямой эмоциональный контакт между ними, где взаимопонимание рождается на наших глазах. Анализу этого процесса, его условий, особенностей и посвящена третья глава. Мы попытаемся показать, как искусство помогает уже взрослому человеку, сформировавшейся личности, обнаружить новые возможности для самореализации, открыть новые грани

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 года. М., 1983, с. 18.

действительности и, соответственно, новые перспективы своего собственного роста.

Такой подход к взаимопониманию с разных, но связанных между собой и дополняющих друг друга сторон дает, как нам кажется, возможность удержать в единстве исторический и актуальный планы проблемы, показать, как взаимопонимание создает внутренние основы для разумного и ответственного взаимодействия людей, их общественной жизнедеятельности.

У истоков взаимопонимания

...Развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества...

Ф. ЭНГЕЛЬС

Прежде чем разделять тушу

Для первобытного человека проблемы взаимопонимания в том виде, в каком она стоит для нас, современных людей, не существовало. Для него взаимопонимание не выходило за рамки его жизненно-практического отношения с сородичами, сверх этого ему вряд ли были нужны какие-то особые чувства единения со своими соплеменниками.

Вместе с тем проблема взаимопонимания — одна из важнейших для первобытного человека. Однако не вопросы о том, когда, в чем, с кем искать взаимопонимания, занимали наших предков. Перед ними стояла другая задача: обеспечить всеми возможными средствами сохранение и приумножение форм совместной деятельности, уже обретенных к тому времени человеческим родом, без чего невозможно было само его существование. Жизнь постоянно требовала совершенствования этих форм. Развитие, усложнение труда диктовало необходимость новых связей между людьми, а следовательно, и углубления взаимопонимания.

Уже при переходе от стада предлюдей к собственно человеческим социальным общностям начали формироваться определенные простейшие формы коллективного взаимодействия.

Что заставляло предлюдей постоянно согласовывать, координировать свои действия? Прежде всего то, что их сплоченность в тех условиях была важным фактором жизнеспособности как группы в целом, так и составляющих ее особей, помогала выстоять в естественном отборе, который происходил не только между этими особями, но и между группами. Стихийно складывающаяся организованность помогала противостоять неблагоприятным внешним обстоятельствам, например климатическим изменениям, нападению хищников, и давала возможность предлюдям обеспечивать себя пищей в самых сложных условиях.

Предки человека — каждый в отдельности — не обладали такой силой мышц и остротой зубов, чтобы справиться с крупными животными, от которых приходилось защищаться или на которых они сами охотились. Не обладали они и скоростью, позволяющей догонять в одиночку оленей или антилоп. Однако, несмотря на эти слабости, они охотились, и охотились

успешно. Дело в том, что связность и согласованность действий во многих ситуациях оказывались силой, не уступавшей остроте клыков, мощи удара, скорости бега, а иногда и превосходившей эти биологически ценные качества. Иными словами, успех защиты или нападения зависел уже не только от физической силы, но и от способности индивидов соединять свои усилия с усилиями сородичей.

Изменяющиеся условия ставили перед предками человека задачу еще более тесного взаимодействия, освоения все новых форм и способов согласования усилий. Следуя этому, они создавали предпосылки и своего собственного дальнейшего развития.

В чем же конкретно, в какой деятельности проявлялись сотрудничество и взаимопомощь первобытных людей? Это прежде всего забота о пропитании, то есть *охота*. Это и защита от внешней опасности: от хищных зверей, от нападения соседних племен (кстати, и оборона, и охота во многом были схожи — люди пользовались и в том и в другом случае одними и теми же орудиями, применяли одни и те же приемы взаимодействия); от превратностей климата (причем сначала люди искали естественные укрытия в ямах, пещерах, дуплах, а затем, с развитием коллективной охоты, начали строить совместные жилища). Как видим, среди занятий первобытных людей главным и определяющим все остальные была охота. Именно она на этапе перехода от предлюдей к первобытным людям была узловым формой взаимодействия, именно она связала удовлетворение биологической потребности в пище с развитием таких чисто человеческих качеств, как сотрудничество и взаимопонимание.

Охота была делом, которое, систематически повторяясь, способствовало сохранению и совершенствованию согласованности, увязанности действий участни-

ков. Она «стягивала» в узел, объединяла и другие занятия: изготовление орудий, доставку и хранение пищи, целенаправленное наблюдение за животными и изменениями погоды, наконец, восстановление сил, отдых, сон.

Будучи основной формой хозяйственной деятельности, охота определяла весь характер жизни первобытных стад, отношения между людьми. Влияла она и на отношения с окружающей средой. По мере того как люди овладевали все новыми приемами охоты, их зависимость от конкретных природных условий оказывалась все менее жесткой, их отношения с окружающим миром становились все более свободными и разнообразными. В поисках добычи они могли менять место обитания, принаравливаясь к изменениям климата, к местности, к различным по своим повадкам животным.

Охота решала и задачу формирования, воспитания тех качеств, которые обеспечивали общий успех: внимание к действиям других людей, чувство локтя.

Попробуем себе представить охоту древних людей: как она изменялась вместе с развитием орудий труда и самого человека, как в ходе этого развития люди учились понимать друг друга.

На что же можно опереться, чтобы воссоздать эту картину? Прежде всего на археологический материал, на вещественные следы жизни первобытных людей: орудия, остатки жилища, остатки скелетов и костей животных, по которым ученые сумели восстановить, чем питались и на каких зверей охотились первобытные люди.

Однако, чтобы эти находки смогли что-нибудь сказать современным людям, их надо определенным образом упорядочить, по ним восстановить «живые» связи, отношения, существовавшие между людьми. Только понимание того, что вещи были орудиями деятельности,

средствами удовлетворения потребностей людей, дает возможность понять и сами потребности, цели, нормы, которые объединяли индивидов. Представить вещи в отношениях людей, и прежде всего в производственных отношениях, — вот условие, делающее возможным переход *от знания вещей к пониманию жизни людей* в первобытном коллективе.

Подобное «реконструирование» отношений и действий людей, их труда и быта, сотрудничества и борьбы по вещественным остаткам — одна из самых трудных задач исторического познания. Ее и решают ученые на основе находок археологов. Например, при раскопках пещеры Шанидар был найден человеческий скелет. Археологи и антропологи установили, что у человека, которому принадлежал скелет, еще при жизни была ампутирована правая рука по локоть. Несмотря на то что такое увечье делало человека в условиях первобытности, казалось бы, совершенно беспомощным, неспособным обеспечить свое существование, он, как доказали исследователи, продолжал свою жизнь в коллективе. Это позволило сделать вывод о развитой взаимопомощи у людей каменного века, предполагающей и сочувствие, и взаимопонимание.

Изучая вещи, главным образом орудия, которыми пользовались охотники, можно проследить изменения и в характере охоты. Исследователи сходятся на том, что люди каменного века охотились в основном на крупных животных: мамонтов, слонов, бизонов, пещерных медведей, носорогов, то есть на животных, намного превосходящих силой отдельного человека. Зато удачная охота давала возможность сделать припасы, надолго избавлявшие людей от голода. Их орудиями были главным образом камни, дубины, заостренные палки, причем пускали их в ход, предварительно заманив или окружив свою жертву.

Охота на этих животных была чрезвычайно опасна, она требовала сложных навыков выслеживания и коллективного загона, а главное, с необходимостью объединяла усилия нескольких десятков людей, заставляла их согласовывать свои действия. Причем если первоначально охота носила *непосредственно коллективный* характер (то есть все охотники сразу, в один и тот же момент, нападали на зверя), то постепенно, с усложнением охоты, стали появляться и более сложные формы взаимодействия: использование на разных стадиях различных орудий и приемов, известное разделение труда между охотниками, неодновременность действий, их определенная последовательность и т. д.

Охотились первобытные люди и на других животных: антилоп, газелей, козлов. Такая охота также требовала совместных усилий, в особенности когда делались попытки загнать стадо или группу животных в ловушку. Однако вряд ли этой добычи хватало надолго.

Очевидно, на первых порах продуктивность охоты и ее коллективный характер были непосредственно связаны между собой. Усилия людей соединялись в охоте на крупных животных. Охота на мелких животных — дикобразов, зайцев, ящериц, крыс, черепах — конечно, не исключалась, но она носила индивидуальный характер и не могла решить проблему питания в принципе, не могла обеспечить жизнедеятельность первобытного коллектива.

Постепенно совершенствуются орудия охоты, появляется оружие «дистанционного боя»: копья, а затем копьеметалки, бумеранги, бола — каменные шары на длинном ремне, обвивающем и спутывающем ноги бегущих животных. Позже изобретается лук со стрелами, стимулирующий развитие индивидуальной охоты и обеспечивающий ее продуктивность, создаются пер-

вые механические ловушки, которые делают ненужным присутствие охотника в момент поимки зверя. Вырабатываются и новые приемы охоты, которые позволяют людям настигать свою жертву на ходу и не требуют в каждом акте охоты большого числа людей. Во многом изменяет характер охоты и приручение собаки, на которую теперь перекладывается часть важных функций по подстереганию, отслеживанию, преследованию добычи.

Благодаря этому осуществляется медленный переход от коллективных взаимодействий к индивидуальной охоте, в ходе которого относительно простые взаимодействия первобытного стада превращаются в более сложные формы организации и разделения труда, присущие родоплеменным коллективам. Однако индивидуальная деятельность отнюдь не противостоит коллективной, не является результатом ее распада, а, напротив, есть продукт усложнения и развития совместного труда и социальных связей.

Развитие охоты, ее приемов и орудий стимулировало изготовление инструментов, обработку новых материалов. Деятельность, направленная на создание орудий, способствовала дальнейшему усложнению общественной организации первобытных людей. Обособление производства орудий вело к тому, что появлялись специалисты этого дела, обеспечивающие охоту и другие занятия первобытного коллектива соответствующими средствами.

Мастерство изготовления орудий в качестве важнейшего условия включало понимание различных целей, для которых подготавливались орудия, различных действий, которые предстояло осуществлять людям с помощью этих орудий, взятых в отдельности или в совокупности. Развитие понимания происходило, таким образом, одновременно с развитием предвидения, усложнение

деятельности сказывалось на психической организации индивида, обуславливало все большую ее социальную ориентацию.

Охота постепенно уступила свою ведущую роль другим видам деятельности людей: развивается земледелие, ремесла, приручаются животные. Важно, однако, помнить, что прежде всего охота в период становления человеческого общества реализовала двусторонний характер общественных отношений, соединяла динамику отношения человека к природе и отношений людей друг к другу.

Окинув беглым взглядом историческое развитие, трансформацию охоты, постараемся теперь взглянуть на нее изнутри: каких умений и навыков требует она от участвующих в ней людей, каким должен быть образ их действий, чем он определяется?

Образ действий

Способы охоты диктовались двумя главными обстоятельствами: повадками зверя и характером ландшафта, где охотились люди. Выследив в ущелье пещерного медведя, неандертальцы сбрасывали на него тяжелые камни, а потом добивали его дубинами. Окружив стадо антилоп, охотники гоняли его, пока уставшие животные не позволяли им приблизиться на бросок копья. Позже для загона использовали поджог сухой степи. Загоняли животных в топь, где те становились мишенями для нанесения последних ударов копьями и рогатинами. Иногда удавалось направить загон в сторону обрыва, и разогнавшиеся животные, падая с крутизны, разбивались сами.

Большое, если не решающее значение для успеха охоты имело понимание охотниками поведения животных, знание их привычек. Это давало возможность под-

стерегать животных там, где те добывали себе пищу, паслись, охотились. Первобытные люди устраивали засады на тропах и у водоемов, куда обязательно приходили звери.

Чем больше человек знал об особенностях поведения животных, тем организованнее, осмысленнее были его действия. Это знание, вероятно, укреплялось по мере того, как первобытные люди переходили от случайной охоты, от охоты на того, «кто попадется», к охоте на определенных животных, а значит, и к соответствующей организации и выполнению этой деятельности.

Многочисленные находки костей мамонтов на охотничьих стоянках свидетельствуют, что для людей каменного века охота на этих крупных животных была не случайным делом, а широко распространенным промыслом. Как же люди на них охотились?

Скорее всего, наши предки хорошо знали тропы, по которым эти животные часто проходят. Рассчитывая на то, что звери могут появиться здесь вновь, охотники готовили западню — яму с вбитыми в нее заостренными кольями — и сосредоточивали в одном месте большую силу (несколько десятков копий и дубин), необходимую для решающего нападения. Возможно, применялись и более трудоемкие способы загона с использованием естественных впадин, обрывов, ущелий. В любом из этих вариантов большое значение для более эффективной охоты имело *предугадывание* «маневров» животного.

Организацию охоты, следовательно, обуславливает, подсказывает характер и передвижение животного или животных. Вероятнее всего, первобытные люди постепенно совершенствовали эту организацию, переходя от более или менее беспорядочных стадных облав к загонам, вынуждающим животных двигаться в определенном направлении, а затем и к засадам.

Такая организация охоты влекла за собой некоторое обособление отдельных ее этапов, элементов, действий и закрепление их за отдельными людьми. Охота постепенно приобретала сложный, составной характер. Выслеживание, спугивание, гон, подготовка засады, забой зверя, разделка туши оказывались более или менее самостоятельными операциями. Охота распалась, таким образом, на особые функции, действия, звенья, которые распределялись между обособленными индивидами или группами людей.

Это, несомненно, должно было способствовать повышению эффективности охоты. Но возникает вопрос: как при этом сохранялась общая непрерывность процесса, общая согласованность действий людей? Ясно, что для этого необходимо было выполнение неявного, но жесткого условия: индивид должен был в своих действиях учитывать действия других, причем часто происходящие далеко от него, за пределами непосредственных контактов, должен был своей деятельностью поддерживать определенный порядок, направленность общей деятельности. Совсем не то, что в стадной облаве, когда охотники нападают бок о бок, локоть к локтю.

Невидимая цепочка действий реализуется не одним охотником, а группой, при этом каждое звено оказывается важным. Коллективная деятельность может прерваться в любом звене, если один из участников не поддержит — причем в нужное время, в нужном месте, в необходимом порядке — общее дело. На чем же держится эта организация?

Кто-то выслеживает зверя, кто-то устраивает засадную яму, кто-то оттачивает кремниевые наконечники копий. Ни одно из этих действий само по себе не удовлетворяет потребности людей в пище. Лишь все они вместе, выполняемые в определенной последовательности, могут привести к положительному результату. Мыслимый

результат охоты, которая еще не завершена, мамонт, который еще не убит, туша, которая еще не разделена,— вот сила, организующая обособленных людей и их обособленные действия. Отдельному охотнику необходимо поддержать общую деятельность, ибо она даст ему пропитание и другие жизненные средства. Если он ее не поддержит, возникнет угроза его собственной жизни.

Общая цель организует, сплачивает, объединяет людей. И связь здесь двусторонняя: не только индивид зависит от коллектива, но и коллектив, успех его деятельности зависят от действий каждого. Выпадение одного звена, одной силы, включенной в общее взаимодействие, может лишить коллектив предметных результатов, оставив вместо реальных вещей воображаемые цели, может обесмыслить весь процесс деятельности. Не будет связи людей — охота обречена на неудачу. Следовательно, вещественные, предметные результаты деятельности зависят от каждого отдельного составляющего ее звена, заложены в согласованности и целенаправленности действий людей.

Каждый отдельный участник охоты, выполняя свою конкретную задачу, воссоздает взаимосвязь продуманных и скоординированных действий коллектива. Он не только создает какое-то орудие общей деятельности, не только выполняет какую-нибудь операцию, его действия оказываются и *условием, побуждением* для действий других индивидов. Советский психолог А. Н. Леонтьев писал, что действия человека обнаруживают двойную функцию: непосредственно производственную и воздействия на других людей.

Но возникает несколько вопросов. Как же охотники воздействовали друг на друга в самом процессе охоты, ведь у каждого из них были свои, иногда не пересекающиеся функции, действовали они часто без непосредст-

венного контакта? Как возможно воссоздание целостной деятельности, когда индивиды действуют более или менее изолированно друг от друга? Ответить на эти вопросы довольно трудно, потому что для этого необходимо понять «внешнюю» взаимообусловленность через какие-то «внутренние» побудительные силы индивида.

Сознание людей

Охотники тесно связаны с природной реальностью, они непосредственно взаимодействуют с ней. Но человеческая деятельность, развиваясь, накладывает все более ощутимый отпечаток на эту реальность. Она перестает быть непосредственной, только чувственно-данной, наглядной. К примеру, человек теперь видит в кремне не просто камень, а множество орудий, которые из него можно сделать. И связи между людьми становятся все более сложными, опосредствованными, оторванными от своей конкретно-чувственной основы. Так, разделение охоты на отдельные этапы и соответственно этому дифференциация функций охотников требовали уже не простых, прямых контактов, а сложных, опосредствованных связей между участниками охоты, благодаря которым, не видя и не слыша друг друга, они тем не менее умели согласовывать свои действия.

Процесс коллективной деятельности не просто вырастает между человеком и природой, он сам является для человека действительностью. В отличие от животных, человек воспринимает природу, отдельные ее проявления не прямо, а через посредство совместной деятельности людей. Действительность оказывается тем самым шире и глубже непосредственно данного человеческим ощущениям. И то, что каждый человек тоже часть этой сложной реальности, определяет особенности его психики.

Известно, что действия людей вызываются теми или иными потребностями. А чем определяются сами потребности и как люди осознают их? Прежде всего благодаря предметам, которыми потребности удовлетворяются. Применительно к охоте предметом, на который направлена потребность человека, является животное, добыча.

В психике индивида предмет потребности присутствует в виде мысленного, идеального изображения, то есть образа предмета. Образ этот все время «напоминает» о потребности, пока индивид не получает того, чего он хотел. Специфически человеческого в этом психическом механизме мало. У высших животных связь «потребность — предмет» тоже поддерживается образом («моделью потребного будущего» называл его физиолог Н. А. Бернштейн). Собственно человеческим является то, что в коллективной деятельности (в частности, в охоте) индивид вынужден связывать свое стремление удовлетворять потребности с действиями других людей. Потребность и желаемый предмет оказываются отделенными друг от друга не только пространством и временем, но и цепью человеческих взаимодействий.

Это условие, порожденное общественным бытием человека, отдаляя потребность и предмет, в то же время способствует образованию новых связей между потребностями, действиями, предметами желаний индивида — связей, осуществляемых на основе учета интересов других людей, коллектива, человеческой общности. Развиваясь, человек все в большей мере удовлетворяет свои потребности как общественное существо (даже такие, чисто биологические, естественные, как потребность в пище), то есть действия, стремления, чувства опосредствуются общественными связями, отношениями.

Человек, мысленно соотнося, сопоставляя свою потребность с желаниями и поведением других людей,

представляет себе, как они, эти люди, могут поступить в данных условиях. Так у него возникает образ действий других (то есть представления об их действиях) и образ взаимодействия, которое может привести к поставленной цели.

В условиях совместной деятельности людей (в данном случае охоты) между реальной потребностью и воображаемым предметом как бы «вклинивается» образ взаимодействия. Он представляет собой картину или схему, в соответствии с которой отдельный охотник решает, как ему действовать, а затем и действует. Если образ взаимодействия в основных компонентах совпадает у всех участников охоты, является общим, единым для них, можно говорить о наличии у них взаимопонимания. Благодаря ему и обеспечивается реальная связь всех элементов общей работы, упорядочивается поведение самого индивида.

Итак, наиболее притягательным для первобытного индивида является образ добычи, то есть результата деятельности, ибо в убитом животном предметно, вещественно выражена его потребность. Однако в условиях коллективной охоты этот образ неизбежно дополняется образом организации охоты в целом, образами действий других людей, образами поэтапного разворачивания охоты. Эти образы направляют и корректируют поведение индивида, нацеливают охотника на выполнение какой-то определенной работы: на выслеживание или спугивание, приготовление засады и т. п. И человек подчиняет им свои действия, ибо они обеспечивают связь его потребностей с предметами желаний.

Трудно, однако, рассчитывать на то, чтобы в каждом отдельном случае первобытный охотник (да и современный человек) детально воспроизводил образ деятельности в целом. Как правило, этот общий образ получает конкретизацию в образе действий и предметов, которые

имеют непосредственное отношение к выполняемой человеком функции. Охотнику, спугивающему стадо антилоп, достаточно видеть или представлять действия загонщиков, которые далее поведут стадо к западне или обрыву. Сопоставив свои действия с тем, что должно произойти на следующем этапе охоты, и, таким образом, встав временно на место другого охотника, человек тем самым затягивает один из первых узелков невидимой социальной связи, объединяющей весь процесс.

Подчеркнем, что через отношение к другому человек неявно определяет и свое отношение к охоте в целом. Образ другого охотника побуждает индивида действовать, он корректирует и сам процесс его деятельности, ее направленность, продолжительность, интенсивность усилий индивида. Если что-то меняется в поведении одного из партнеров, если что-то заставляет его отойти, отступить от заранее намеченного плана, то это с необходимостью должно менять и действия другого, подстраивать их под новые условия, обстоятельства. Основной, делающей возможным такое гибкое поведение, является образ охоты в целом.

Общий образ охоты получает конкретизацию и в представлениях индивида о его охотничьих орудиях и приспособлениях, о его связи, прямой или косвенной, с самой добычей. Охотнику необходимо сопоставить свои действия — отслеживание, загон или подготовку засады — с движением зверя, ибо это движение служит ориентиром поэтапного развертывания охоты. Охотник определяет свое отношение к добыче с точки зрения своей роли, задачи в охоте. Его представление о отслеживаемом или загоняемом животном задается в значительной мере и способом его конкретных действий, орудиями, которыми он пользуется. Орудия и инструменты охоты — копье, рогатина, копалка, манок — оказываются для индивида материальными средствами реализа-

ции его сил. Психические отображения этих средств и способов их употребления неявно выделяют особую роль индивида в общем процессе деятельности; они же косвенно указывают на потребность человека и путь ее удовлетворения. Поскольку индивид связан со всеми участниками работы и сам выступает ее необходимым звеном, потребность может быть реализована только через особые средства, которыми он располагает, через присущие ему способности. Так, между потребностью и ее предметом возникает *специфически человеческая сила* — способность, которая через орудия и средства реализует энергию индивида определенным, социально направленным путем. В ней прямо выражается предметная обусловленность данного человека общей организацией деятельности и косвенно — необходимость понимания им других участников совместной работы. Совершением действия определенного характера индивид побуждает и их к выполнению действий в определенной, целесообразной связи. Следовательно, в особом способе действий отдельного охотника и в психическом их отображении так или иначе присутствуют образы действий других охотников и целостный образ коллективной деятельности.

Итак, образ желаемого предмета оказывается многократно опосредствованным. Он включается и в представления об охоте в целом, и в представления о действиях отдельных охотников, и в представления об орудиях и способах их употребления. Поэтому, оставаясь отражением реальности, этот образ вместе с тем несет на себе печать различных отношений, связей индивида, которые возникают в ходе коллективной деятельности.

Отсюда удовлетворение потребностей возможно только в том случае, если будут учтены все эти сложные взаимодействия. Отношение к другим, а следовательно,

и взаимопонимание постепенно входят в сам способ отражения человеком действительности, становятся важным условием удовлетворения его потребностей, средством реализации его сил и способностей.

Человек, рисуя в своем представлении то, что происходит или произойдет далеко от него, за пределами его прямого участия, опирается на обычные, непосредственные и наглядные связи. Но, опираясь на них, сопоставляя процесс в целом с отдельными действиями людей, орудиями, средствами, результатами и все это со своими функциями, он может вообразить невидимое, предвидеть еще не завершенное. В коллективной охоте, где действуют более или менее самостоятельные индивиды, зачастую не связанные между собой непосредственно, необходима эта способность предвидеть действия друг друга, предвосхищать, воображать события.

Воображение и предвидение стимулируют способность отвлеченного мышления, которое, абстрагируясь от всех прочих свойств предмета, может выделить в нем наиболее существенные, основные. Эта способность к отвлеченным представлениям нашла свое наглядное отражение в произведениях наскальной живописи древних людей.

Вот что пишет об этих изображениях исследователь палеолита С. Н. Замятнин: «Они обрывочны, фрагментарны и обычно воспроизводят не целостный образ какого-либо животного... а какую-либо одну характерную деталь — линию спины, крупа, изгиб рогов... Зачаточные изображения мустьерской эпохи, по-видимому, должны были теснейшим образом связываться с охотой... Упомянутые следы «зачаточных изображений» представляли собой составную часть игровых тренировочных действий, являвшихся подготовкой к коллективной охоте, непосредственно предшествовавших ей и направленных на согласование предстоящих действий коллекти-

ва». Отрывочность этих изображений говорит вовсе не о том, что первобытные люди были неумелыми художниками. Просто сам характер таких рисунков предполагал активное, творческое восприятие их зрителем, в процессе которого формировались его представления о коллективной совместной деятельности.

Но этим не ограничиваются функции воображения. Первобытному человеку нужно было предвидеть действия своих сородичей. При этом ему важно было не отождествлять себя, свои переживания, восприятия, действия с переживаниями, восприятиями, действиями других, а именно воображать их, учитывая особые позиции, функции других охотников. Скорее всего, и понимание индивидом своей собственной позиции формировалось как следствие осознания им позиций других. Причем надо отметить, что первобытный человек был весьма ограничен в своих возможностях вещественно, предметно оформить свои представления, знания, опыт. В этой связи интересно вспомнить замечание знаменитой советской балерины Галины Сергеевны Улановой. На встрече со своими почитателями она рассказывала о том, как сохранялся рисунок, форма балетного спектакля в те времена, когда она стала выступать на сцене. Имея в виду, что графическая запись сцен, фотографии и отдельные кинофрагменты не могли сохранить живой ритм процесса, в котором разворачивался спектакль, она вполне серьезно заметила: «Мы жили как в каменном веке, все надо было держать в голове...» Это замечание кажется странным только на первый взгляд. Действительно, чем меньше возможностей предметно закрепить те или иные формы деятельности, тем большая нагрузка падает на память, воображение.

Мы видим, что первобытному охотнику необходим был своего рода *теоретический* анализ ситуации. Он представлял то, чего не видно, или то, чего еще нет.

Он связывал реально существующее с образами отсутствующего и по этой связи пытался предугадать результат. Или, наоборот, по предполагаемому результату рассчитывал возможные варианты взаимодействия со своими партнерами и, исходя из этого, строил свои действия. Он должен был уметь по орудиям воспроизвести «живой» процесс деятельности, встречу с добычей, порядок участия охотников в общем деле. Не будучи теоретиком в современном понимании этого слова, первобытный человек тем не менее выполнял довольно сложные мыслительные операции: выделял различные свойства предмета, умел отделить существенные свойства от второстепенных, удерживал в памяти множество точек зрения, представлял отношения людей в процессе совместной деятельности. Как говорил К. Маркс, «*чувства непосредственно в своей практике стали теоретиками*»¹.

Научившись постигать, понимать точку зрения людей, с которыми он взаимосвязан, человек может и на себя взглянуть со стороны. Сопереживая и сочувствуя трудностям и опасностям, которые возникают или могут возникнуть для другого, тогда, например, когда он не сумеет выполнить свою часть дела, он и к своим переживаниям и чувствам начинает относиться по-человечески, то есть с учетом их связи с действиями и жизнью других людей. К. Маркс писал: «...его (человека.— В. К.) собственная чувственность существует для него самого, как человеческая чувственность, только через *другого* человека»².

Ориентация индивида на общую цель, необходимость учитывать организацию коллективной деятельности и образ действий других людей формируют такие чисто человеческие качества, как сопереживание, сочувствие,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 42, с. 120.

² Там же, с. 124—125.

способность воссоздавать часть по целому, человеческие отношения — по образам действий, способы действий — по взаимосвязям между людьми. Эти способности и обеспечивают *взаимопонимание*.

В своей совокупности они составляют специфическое для человека качество, которое мы называем *сознанием*. «Сознание... вначале есть всего лишь осознание *ближайшей* чувственно воспринимаемой среды и осознание ограниченной связи с другими лицами и вещами, находящимися вне начинающего сознавать себя индивида...»¹

Формирование и развитие в процессе совместной деятельности людей собственно человеческих свойств, функций психики делают возможным взаимопонимание между разными людьми, что необходимо для самого существования человеческой общности.

* * *

Подробно рассмотрев процесс охоты, мы на этом примере попытались раскрыть значение взаимопонимания для развития социальных связей, для становления сознания человека. По мере усложнения труда людей, по мере выделения все новых занятий и ремесел (производство орудий труда, рыболовство, собирательство, строительство и т. д.) взаимопонимание как сторона совместной деятельности приобретало все более важную роль. Единство племени, его жизнеспособность в условиях усложняющегося разделения труда во многом зависели от упрочения связей между его членами. Племя сохраняло это единство как наиболее ценное свое достижение и жестоко карало за его нарушение.

По богатству и широте жизнь и деятельность совре-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. М., 1966, с. 39—40.

менного человека, конечно, несравнима с опытом человека первобытного. Вполне понятно, что по мере развития общественных отношений, усложнения человеческих взаимодействий и само взаимопонимание претерпевает определенную эволюцию. Его жесткая функция обеспечения жизнедеятельности коллектива постепенно вытесняется функцией «связного» между человеком и человеком, между человеком и обществом. Однако в классово-антагонистических общественно-экономических формациях эта функция не может получить полного простора для своего проявления. Этому препятствуют социальное неравенство, частная собственность на средства производства, порождающая эксплуатацию человека человеком. Недаром К. Маркс назвал капиталистическое общество, где классовые антагонизмы достигли предельной остроты, обществом отчуждения. *Родовая сущность человека* — как природа, так и его духовное родовое достояние — превращается в *чуждую* ему сущность... Непосредственным следствием того, что человек отчужден от продукта своего труда, от своей жизнедеятельности, от своей родовой сущности, является *отчуждение человека от человека*»¹. Лишь социализм, реально обеспечивая возможность гармонического сочетания общественных и личных интересов, впервые в истории ликвидирует социальные преграды, социальные различия, мешающие установлению взаимопонимания между членами общества, создает основу для их сознательного, организованного сотрудничества.

Но и при социализме взаимопонимание не дается человеку в готовом виде, не вытекает само собой из объективных общественных условий. От человека требуется определенная работа, для того чтобы понять позиции и установки, потребности и проблемы других людей.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 94.

Задача взаимопонимания стоит перед каждым человеком, и приступает он к ее решению не тогда, когда формулирует ее применительно к каждому конкретному случаю, а гораздо раньше — когда созревает как человек, формируется как личность, осознает свое место и значение среди других людей. Становление личности может быть истолковано как выработка человеком все более многообразных средств взаимопонимания. В следующей главе мы и сосредоточим внимание на том, как человек в своем индивидуальном развитии овладевает этими средствами.

Мы и мир

...Предмет, как бытие для человека, как предметное бытие человека, есть в то же время наличное бытие человека для другого человека, его человеческое отношение к другому человеку...

К. МАРКС

Эксперимент

Каждый человек реализует стремление к взаимопониманию по-своему, идет к нему своими путями. Но он не может сделать этого без взаимодействия с другими людьми. И в познании окружающего мира, и в понимании самого себя человеку не обойтись без опоры, которую дает опыт других людей или сам факт их живого участия.

Однако неужели все-таки нельзя представить ситуацию, в которой человек опирался бы только на свой индивидуальный опыт?

Следуя примеру, предложенному швейцарским психологом Ж. Пиаже, сделаем следующий мысленный эксперимент: представим себе некоего абстрактного «супериндивида», существующего вне общества. Ему захотелось определить и упорядочить свое понимание действительности и самого себя. Как ему поступить?

Чтобы осознать свое отношение к окружающему, нужно сопоставить разные точки зрения, взгляды, выработать на основе анализа различных отношений и связей свою собственную позицию, свое видение мира. Нашему экспериментальному «супериндивиду» предстоит все это нафантазировать: и чем больше таких вариантов отношений и точек зрения способен он выдумать, тем более разносторонним и объемным будет изображение, которое он построит.

Однако все эти выработанные индивидом взгляды не могут существовать в хаосе, необходим определенный порядок, взаимосвязь между ними. Причем установление и поддержание этого порядка не единовременный акт, а постоянный процесс, требующий значительных усилий. Нужно установить объединяющее (не единое, но объединяющее) воззрение на мир для разных позиций. Нужно установить общий (не единый, не смазывающий различий, а именно общий) язык для них.

Что же получилось у нашего «супериндивида»? Чтобы понять собственные впечатления, ему пришлось заменить реальный мир разными воплощениями своей личности (то есть событиями, людьми), да еще установить какое-то подобие взаимосвязи между ними. Ему пришлось создать общество. Это и стало той опорной позицией, с которой открылись ему устойчивые связи действий и вещей, благодаря чему он и смог

определить свое отношение к окружающему и к самому себе.

Если оставить пока за скобками фантастические предпосылки предложенного эксперимента, то его результаты свидетельствуют об одном: понимание индивидом самого себя выстраивается через понимание им других людей, благодаря им ему открывается и многогранность окружающего мира.

А теперь обратимся к допущениям эксперимента. Посмотрим, что в нем неправильно, в какой мере он является фантастическим и как его следует перетолковать с точки зрения практики и действительности.

Естественно, что все то, что сотворил «супериндивид», он должен был до этого иметь в самом себе, то есть у него предполагается некий опыт. «Супериндивид» порождает различные ситуации, состояния, отношения, связи между ними так, как если бы в нем хранился запас информации о разных взаимодействиях между людьми, между человеком и вещами. Его можно сравнить с писателем, пишущим роман, который тоже как бы «из себя» берет своих героев, помещает их в различные ситуации, высвечивает разные грани жизни, пытается выявить свое понимание событий.

Но скучно было бы, наверное, читать роман, в котором действовало бы тридцать три похожих друг на друга персонажа. А таковыми наверняка оказались бы герои, созданные «супериндивидом», руководствовавшимся только своим внутренним опытом. Поскольку они являются лишь различными проекциями личности самого индивида — при всем желании автора создать различных, даже враждующих, героев, — они все равно останутся двойниками своего творца. Здесь наша аналогия с писательским трудом уже не годится: писатель, будучи тоже единственным создателем своих героев, может использовать как материал все богатство связей

действительного мира, который он наблюдает. Этой возможности лишен наш «супериндивид». Поэтому и набор ситуаций и отношений оказывается ограниченным рамками внутреннего опыта индивида. Отсюда ясно, что он не сможет даже выйти из круга исходного понимания себя и окружающего.

Предложенный эксперимент в перевернутом виде представил механизм приобретения индивидуального опыта, его связь с действительностью.

Не многогранность индивида обуславливает различные человеческие и предметные связи. Напротив, взаимодействия с людьми и действия с предметами позволяют человеку раскрыть и приумножить свои возможности.

Если продолжить аналогию с написанием романа, можно сказать: автор творит не «из себя», а открывая благодаря другим людям в себе возможности человека, личности, несводимые к тем, которые выявил его собственный опыт. Реализация такого авторского отношения к действительности и создает персонажей «самодействующих», то есть действующих как бы независимо от воли создавшего их автора; такие герои, как правило, придают интерес и жизненную силу художественному произведению. Художник (и в этом плане любой человек) оказывается тем «богаче», чем более он открыт миру окружающих людей, отношений и вещей. Чем более он допускает самобытность людей и природы, чем выше его готовность к пониманию, тем реальнее для него всестороннее и гармоническое развитие собственной личности. Иначе говоря, индивид становится развитым социальным существом благодаря пониманию самобытности внешней жизни и тому, что делает это понимание условием своего развития.

Существует зависимость между тем, как человек выделяет свое «я», и тем, как он осознает свою общность

с другими людьми, с «мы», с позиций которых он осваивает мир. Эта зависимость, проявляющаяся по-разному (и в гармонических формах, и в конфликтных), очень сложна по своей структуре. В дальнейших рассуждениях мы постараемся рассмотреть некоторые из ее звеньев.

«Ты» и «я»

Какова роль человеческого взаимодействия в процессе формирования личности, индивидуального становления человека?

Нормально развивающийся ребенок растет как бы сам собой, и взрослые часто не замечают той повседневной работы, которую ребенок совершает, осваивая человеческий опыт, не обращают внимания на те действия, которыми они сами поддерживают эту работу. Кажется, пробуждение личности в маленьком человеке — естественный, сам собой идущий процесс. Но это не так. И особенно убеждают в этом случаи, когда у ребенка глубоко поражены или отсутствуют зрение и слух. Для того чтобы пробудить в нем сознание, чтобы наладить его контакт с окружающим миром, необходима целенаправленная деятельность взрослых.

Слепоглухонемой ребенок не видит и не слышит воспитателя. Но без него он не может удовлетворить свои насущные потребности, общение с ним является необходимым условием его существования. Воспитатель для него и орудие удовлетворения нужд, и средство чувственно-предметного контакта с внешним миром.

Воспитатель и мир даны непосредственно, осязаемо, и первоначально ребенок не может провести четкую грань между человеком и вещью, между своей потребностью и ее внешним предметом, не отделяет самого себя от окружающей среды. В процессе удовлетворения

естественных нужд ребенка с помощью взрослого для него еще непосредственно слиты его собственное усилие, действие взрослого, другой человек, средства и предмет удовлетворения потребностей, результат. На примере слепоглухонемых детей особенно отчетливо видно, что наличие другого и его поддержка — необходимое, почти органическое условие существования ребенка, но вместе с тем это органическое условие оказывается элементарной клеточкой чисто человеческой взаимосвязи, без которой невозможно формирование в ребенке самостоятельности, зачатков человеческой личности. Однако развитие этих качеств ведет к усложнению взаимосвязи, к выделению в ней особых звеньев. Ребенок приобретает специфически человеческие черты в ходе своего постоянного взаимодействия, сотрудничества со взрослым. Это сотрудничество включает в себя и направленное действие взрослого, и активное, хотя еще и неоформленное, действие ребенка, а не просто подчинение его опыту и силе взрослого человека.

Ребенок с помощью взрослого учится пользоваться ложкой, тарелкой, учится умываться, одеваться, обуваться, двигаться. Осваивая разные действия, малыш знакомится со все новыми вещами и их свойствами. Он начинает выделять определенные качества и в своем воспитателе, а соответственно обнаруживает новые свойства и возможности в самом себе.

Со временем меняется характер взаимодействия между ребенком и воспитателем. Сначала взрослый проделывает почти все необходимые действия, связанные с одеванием, умыванием, кормлением ребенка. Постепенно малыш становится активнее. Теперь взрослый только начинает какое-нибудь действие, которое служит как бы сигналом для ребенка, сообщением о необходимости сделать что-то. Происходит как бы обмен ролями. Если первоначально импульс к взаимодействию давал

ребенок под влиянием своих потребностей, а взрослый брал на себя большую часть работы для их удовлетворения, то теперь взрослый предлагает какое-либо действие, а его осуществление берет на себя ребенок, он оказывается все более способным к самообслуживанию.

Для ребенка, а для слепоглухонемого ребенка в особенности, самообслуживание является выражением его связи с другим человеком, формой его отношения к окружающему: к людям, действиям, вещам. По характеру, содержанию, уровню развития самообслуживания можно судить, насколько ребенок усвоил человеческий способ общения с другими людьми и взаимодействия с вещами, относится ли он к самому себе как к человеку.

Для того чтобы ребенок научился сам обслуживать себя, удовлетворять простейшие потребности без постоянной поддержки другого человека, ему необходимо выделить основные формы взаимодействия с вещами и освоить их. А соответственно этому он и в себе обнаруживает разные стороны, силы, возможности. Человеческая взаимосвязь раскрывает свой сложный характер. В понимании отдельных компонентов взаимодействия — позиции другого, средств и предметов, своей позиции — проявляется цельность взаимопонимания, выявляется зависимость каждого звена от общего содержания взаимодействия.

Осваивая благодаря воспитателю человеческий образ действий, ребенок уже фиксирует различия между внутренними и внешними условиями своего существования, между собой и не зависящими от него предметами. Он выделяет себя из внешнего мира, ощущает необходимость быть самим собой среди других явлений, людей, предметов.

Психологи установили, что маленький ребенок любит повторять одно и то же движение (например, открывает и закрывает дверь), внимательно следя за теми измене-

ниями, которые оно производит. Это как бы помогает ему почувствовать себя чем-то отличным от окружающих его предметов.

Ощущение, затем понимание себя как особого, отличного от других существа возникает с опорой на ощущение, понимание другого. Это подтверждает и то, что дети, осваивающие речь, начинают говорить о себе в третьем лице: «он играет», «он не хочет», «он не будет». Можно предположить, что и свое «я» ребенок первоначально понимает как «он» особого рода, как один, избранный, близкий из многих «их» — людей и предметов, — с которыми он взаимодействует.

Осознание ребенком самого себя, укрепление чувства своего «я» свидетельствуют не о растущем эгоцентризме ребенка, а как раз наоборот: об ощущении объективной независимости от него людей и вещей. Эгоцентризм же скорее выражается в неотделенности человека от внешних условий, когда мир представляется ему естественной проекцией его нужд, влечений, пристрастий. Ж. Пиаже подмечает, что маленькому ребенку трудно встать на точку зрения другого человека. Он приводит такой простой пример. Ребенку легко показать свою правую руку, но ему уже будет трудно определить, какая рука правая, а какая левая у стоящего перед ним человека, он будет путаться, не умея мысленно представить себя на чужом месте. Можно проследить, что эгоцентризм характерен для детей и в других, значительно более сложных отношениях. Итак, понимание себя, своего места — это естественный результат понимания других людей и вещей, взаимодействий с ними. Существует, однако, и обратная связь: трудно понимать других людей, если у человека не развито чувство своего «я».

Ощущение ребенком своей самобытности и отношение к воспитателю как к другому говорит о том, что

он уже усвоил основные, простейшие навыки человеческого взаимодействия и взаимопонимания. Психологи выделяют несколько основных условий воспитания, необходимых для успешного усвоения таких навыков.

Прежде всего это *обоюдная активность* воспитателя и малыша; развитие активности ребенка и использование ее для построения совместных действий. При этом на первых порах важно учитывать индивидуальные ритмы поведения ребенка. В ином случае процесс кормления, одевания, умывания нередко становится не сотрудничеством ребенка и взрослого, а мучительной, насильственной для ребенка процедурой, которой он всячески сопротивляется.

Другим условием формирования взаимопонимания между ребенком и взрослым оказывается *предметность* их взаимодействия. Чувственно воспринимаемые предметы, необходимые, желанные ребенку действия с ними создают непосредственно практический, понятный язык общения. Забота же воспитателя, взрослого заключается в том, чтобы ребенку попадались не случайные предметы, а прежде всего те, которые говорили бы о самом важном, насущном, необходимом в его внутренней и внешней жизни, способствовали тем самым постижению реального смысла окружающего, а значит, и правильному мышлению.

А. И. Мещеряков, советский психолог, занимавшийся проблемой воспитания слепоглухонемых детей, не случайно подчеркивал, что под мышлением следует понимать не только «словесное мышление», оперирование словами, но и «оперирование образами предметов и действий», которое может осуществляться с помощью различных знаков, в том числе жестов.

Слово необходимо ребенку, чтобы узнать или передать точный смысл предмета, в котором он нуждается или который ему угрожает. Оно должно накладываться

на уже сформировавшийся у ребенка образ предмета. Если это условие не выполняется, речь ему ничего не скажет, не отзовется в нем. И к употреблению слов предъявляются повышенные требования: слово должно точно соответствовать предмету или действию. Случайное или неточное слово оказывается препятствием к взаимопониманию. Более того, оно может оказать болезненное, мучительное воздействие на психику ребенка.

Эти закономерности, очевидные в воспитании слепоглухонемых детей, характерны и для становления взаимопонимания вообще, всегда присутствуют в человеческом общении.

Игра и правила

Ребенок растет, развивается, расширяются его связи с миром. Первоначально дети непосредственно связаны только со своими близкими, с теми, кто их воспитывает. Но сфера их общения постоянно увеличивается. Это и новые воспитатели, и сверстники. Другой человек оказывается множеством других, причем самых разных, людей. Проблема понимания другого превращается в проблему понимания многих других. Возникает потребность находить взаимопонимание с ними в различных условиях и ситуациях.

Средством выявления новых возможностей взаимопонимания и овладения ими оказывается игра. Ребенок (примерно с трех лет) уделяет игре все больше внимания, и, хотя затем, после поступления в школу, игра оказывается оттесненной иными делами (учебой, трудом), человек до конца своих дней не расстается с ней.

Что делает ребенок, когда он играет? Что значит играть?

Мальчик возит по полу деревянную чурочку, пытая, гудя и отдуваясь. Вот он подъезжает к столу, тормозит, замолкает на минуту, всем видом показывая, что у него здесь остановка, потом дает гудок и снова отправляется в путь... Девочка одевает куклу, собирает в игрушечную сумку запасную кукольную одежду, говорит: «Не реви! Я скоро приеду. Привезу тебе новую книжку и мячик». Девочка отправляет куклу в дорогу, видимо на дачу... Двое мальчиков и девочка поставили стулья один за другим; один мальчик в фуражке на первом стуле, другого девочка усаживает на последний стул; она выходит и возвращается с подносом, на котором карамель. Подойдя к мальчику, сидящему на последнем стуле, угощает его карамелью, затем проходит вперед к мальчику в фуражке. Она — стюардесса, мальчик в фуражке — пилот, мальчик на последнем стуле — пассажир.

Итак, играть — значит представлять, изображать что-то, чего сейчас нет. Играть — значит обнаруживать новое, ранее скрытое в себе, в своих партнерах, в тех вещах, с которыми идет игра. Игра дает возможность выйти из круга тех вещей и отношений, которыми человек непосредственно окружен. Играя, он ощущает в себе способность к новым делам и взаимодействиям.

В игре предметам можно придавать новые значения, делать их чем-то другим, чурочку — паровозом, стулья — салоном самолета. В этом содержится неявный намек на то, что потенциальные или приписываемые предмету качества обнаруживаются именно деятельностью человека.

Мальчик играет в паровоз... Он не просто имитирует его движение и звуковые эффекты, он передает определенный порядок, последовательность действий машиниста паровоза.

Девочка собирает куклу на дачу. В игре с ней она принимает на себя функции взрослого человека: мамы, бабушки, старшей сестры. Попытка воспроизвести определенные действия взрослого, приобщиться к его роли расширяет представление ребенка и о своих способностях, открывает ему новые стороны человеческих взаимоотношений. Такая игра важна еще и тем, что через нее приходит понимание связи роли с выполнением определенных функций, с определенными обязанностями. Казаться машинистом или воспитательницей можно, лишь выявив и изобразив определенные действия машиниста или воспитательницы и в этом смысле в какой-то степени став человеком, которого играешь.

В игре важно не только принять на себя новые роли, но установить и сохранить устойчивую связь между различными ролями. Вспомним детей, играющих в самолет. Когда отсутствуют конкретные детали, изображающие самолет, взаимообусловленность ролей и функций приобретает особую важность. Чтобы не распалась игра, необходимо четкое воспроизведение сугубо человеческих, то есть не вещественных, не физических, а личностных, форм взаимодействия. Ребенок, осознав связь своей роли с ролями и функциями своих партнеров по игре, понимает, что выполнение им своей роли является условием выполнения ролей другими и, наоборот, невыполнение затрудняет действие других, а может и вообще разрушить взаимодействие, игру.

Ролевая игра исподволь подводит ребенка к пониманию того, что его действия не являются лишь его индивидуальным делом, ибо они включаются — прямо или косвенно — в сложные человеческие взаимоотношения. Осознание этого необходимо для установления взаимопонимания, которое обеспечивает устойчивую связь разных позиций, ролей, действий, людей в коллективе, в обществе.

В игре реальная ситуация взаимодействия людей и вещей «вписывается» в ситуацию воображаемую, законы воображаемого как бы накладываются на непосредственно данное. Задействованные в игре вещи и люди характеризуются прежде всего с точки зрения тех значений, которые они несут в воображаемой ситуации, а их реальные чувственно данные качества отходят на второй план или даже почти полностью «поглощаются» значениями, данными им в игре (так стулья — это прежде всего салон самолета, чурочка — паровоз). Известный советский психолог Л. С. Выготский заметил, что в игре «начинается действие от мысли о вещи, а не от вещи».

Мысль в данном случае обнаруживается как способность открывать в вещи, в другом человеке, в самом себе такие стороны и свойства, которые непосредственно не даны. Совершенствуя эту способность в предметной игре, ребенок учится рассматривать вещь не саму по себе, а с точки зрения тех связей, настоящих или воображаемых, в которые она включена. Вместе с тем он открывает возможность связывать непосредственную форму предмета (дощечки, например) с той формой, которую этот предмет может приобрести, хотя бы и в воображении (дощечка может стать, например, кораблем).

Включение вещей в новые связи требует от ребенка выработки нового отношения к ним, нового взгляда на них. По словам Выготского, «ребенок учится в игре своему «я». Осознавая связь тех изменений, реальных и воображаемых, которые он, играя, производит в предметах, со своими желаниями, оценками, ребенок уясняет, что придание предмету каких-то новых качеств означает и для него, как «автора» игры, принятие какой-то новой роли, нового видения вещей, новых функций, умений (хотя бы и воображаемых).

Игра сама по себе не является главным средством познания или формирования практических навыков. Она лишь учит ребенка устанавливать связь между отношением к вещам и отношением к самому себе, учит пониманию своей роли, а также ее связей с ролями других людей.

Это относится и к предметной игре, но в еще большей мере, в более явной форме проявляется в сложных сюжетных играх, в играх с правилами.

Развиваясь, ребенок постепенно переходит от предметных игр к ролевым, от игр «по-своему» — к играм по правилам и соответственно от имитации внешних свойств и связей людей — к пониманию внутренних. Ребенок учится видеть в вещах вложенный в них человеческий труд, взаимодействия и взаимосвязи людей.

Необходимость установить взаимопонимание с присутствующим или воображаемым партнером требует определить конкретные правила взаимодействия. В процессе развития ребенок все меньше зависит от вещественных условий протекания игры, зато порядок взаимодействия все более усложняется; игра предстает своего рода схемой взаимообусловленных ролей, действий. Эта схема находит выражение в правилах, которые раскрывают содержание игры, указывают, что можно и чего нельзя делать (нельзя наступать на черту, нельзя ловить мяч руками). «Классы», в которые весною играют младшие школьники, особенно девочки, как раз дают пример игры по правилам, причем игры, в которой по мере ее освоения игроками правила становятся все более строгими. Когда дети 10—11 лет играют в «классы» по всем правилам, они учитывают целый комплекс трудных требований: не останавливаться, выбивать битку в следующую клетку только одним ударом и т. д. Близки по сути своей к игре в «классы» и многие спортивные игры, которыми люди увлекаются всю жизнь.

Взаимопонимание, необходимое для игры, с самого начала и в простейших игровых взаимодействиях предполагает наличие правил. Только правила эти иногда не вычленены, они воспринимаются как зависимость смысла предмета от действий, совершаемых с ним (чурочка становится паровозом благодаря звукам и действиям, которые имитируют его движение), фиксируются как зависимость роли от выполнения определенных функций. Партнеры должны понимать эти зависимости одинаково, иначе взаимопонимание не достигнуто: паровоз тогда превращается в чурочку, самолет — в три стула, «классы» — просто в линии на асфальте.

Возглас «Это не по правилам!» или судейский свисток как раз и возвещают, что пресеклась та скрытая связь-взаимопонимание, на которой игра строилась. Правила неявным образом указывают на то, что взаимодействие в игре, противоборство в определенных рамках, достигаемое в игре взаимопонимание важнее, чем выигрыш, конечный результат. Нравственный смысл такого взаимопонимания хорошо выражен в эмблеме международных Олимпийских игр — пяти сплетенных кольцах, а также в девизе, согласно которому, кто бы из соперников ни одержал победу на Олимпиаде, во всех случаях победила дружба!

И еще одно обстоятельство существенно для игры. Каждый участник подчиняет себя правилу сам. Разумеется, ребенок не рассматривает подчинение правилу как цель игры и даже может не думать об этом. Но он знает — и, чем дальше, тем тверже, — от него зависит определенная связь действий, придающая этим действиям смысл, а ему самому доставляющая удовольствие. Чувствуя необходимость в поддержании этой связи, ребенок постепенно сам вырабатывает способность к установлению взаимопонимания с другими людьми в самых разных ситуациях. Л. С. Выготский охарактеризовал

это как «парадокс игры»: «Обычно ребенок испытывает подчинение правилу в отказе от того, что ему хочется, а здесь подчинение правилу и отказ от действия по непосредственному импульсу есть путь к максимальному удовольствию».

Смысл вещей

Если кто-то из партнеров нарушает правила игры, то все вещи, которые выполняли в игре какую-то новую, не свойственную, не присущую им изначально роль, все созданные в игре, выдуманные отношения немедленно разрушаются, возвращаются к своему настоящему, реальному, то есть жизненному, практическому смыслу. Говоря о том, сколь значительна роль игры в развитии ребенка, мы тем самым вовсе не хотели принизить утилитарное значение вещей, связей, взаимодействий. Именно эти практические, непосредственно данные, истинные свойства вещей и реальные человеческие взаимодействия и делают возможными их «игровые» превращения во что угодно. Не овладев прямым назначением вещей и настоящим порядком взаимодействия с другими людьми, ребенок не может научиться играть.

Потому-то так долго и трудно учатся игре слепоглухонемые дети. Им необходимо хорошо познакомиться с предметом, понять его функции, полностью освоиться с ним, прежде чем они смогут придавать ему иные значения, обнаруживать в нем новые функции. Понимание исходного смысла вещи жизненно важно, от этого зависит, станет она союзником или врагом.

Горизонт игры, ее тональность подсказаны личным опытом ребенка, тем, как он сам осваивает мир.

Для того чтобы играть, надо иметь развитые навыки замещения реальных ситуаций выдуманными, навыки

«спутывания» свойств вещей и «смешения» человеческих ролей.

Обнаружение (в том числе и в процессе игры) каждого нового свойства вещи, каждой новой связи между вещами требует выработки соответствующего психического образа. При этом трудности, которые очевидны в случае со слепоглухонемыми детьми, существуют в такой ситуации для каждого человека, только процесс их преодоления проходит быстро, естественно еще в пору младенчества.

На основе сложившегося представления о вещах и отношениях вырастает способность к свободной и разнообразной деятельности. И способность понимания одним человеком желания другого, шире — их взаимопонимания обеспечена тем, что оба они получают возможность одинаково фиксировать значение, смысл того или иного предмета, действия, явления.

Итак, взаимопонимание непременно предполагает установление и сохранение смысла предмета в процессе взаимодействия. Способствуя этому, человек как бы выполняет определенные обязательства перед своим партнером, укрепляет возможность развития взаимопонимания и сотрудничества. Благодаря следованию установленному смыслу, логике не распадается, не разрушается понимание людьми друг друга. И наоборот, отход от них приводит к взаимному непониманию.

В психиатрии и юриспруденции существует понятие «невменяемость». Оно отражает неспособность человека понять других людей, осознать свои действия, свои собственные желания. Для невменяемого совершенный им поступок отстранен, отчужден от него, как бы не имеет к нему отношения. Находясь в состоянии невменяемости, человек не может установить связи между своими действиями, не принимает во внимание, что они могут угрожать работе, здоровью, самой жизни других

людей. В плане наших рассуждений можно сказать, что он придает окружающим его вещам, связям, явлениям, отношениям лишь одному ему известный смысл, идущий вразрез с их действительным, реальным смыслом, которым руководствуются люди в своей деятельности, то есть он начисто лишен способности к взаимопониманию. С точки зрения психиатрии это — болезнь, патология личности, снимающая с человека юридическую ответственность за совершаемые поступки, но выдвигающая необходимость изолировать его от общества.

Вменяемость, напротив, предполагает верное, соответствующее действительности отражение происходящего, соотнесение своих действий и желаний с желаниями и действиями других. Поэтому всякий нормальный человек несет ответственность за свои действия, шире — за порядок вещей и отношений, установлению, укреплению (или, наоборот, разрушению) которого он способствует. Действуя вместе и согласно с другими людьми, человек способен планомерно и целенаправленно изменять этот порядок, преобразовывать, совершенствовать его. В этом смысле взаимопонимание, выработанное на основе единого понимания ситуации, общей цели, — одно из главных условий успеха любой коллективной деятельности, независимо от ее масштаба, начиная от детской игры, о которой мы вели разговор, функционирования учебных, производственных, научных и других коллективов и кончая крупномасштабной социально-преобразующей деятельностью прогрессивных классов, партий (революционная борьба, созидание нового общественного строя, формирование нового типа личности и т. д.).

Подчеркивая значение для взаимопонимания единого, всеми участниками взаимодействия одинаково понимаемого смысла вещей, мы вовсе не хотим свести

все точки зрения к некоему усредненному взгляду. Естественно, что мнения людей разнятся. Связь и соединение разных воззрений на предмет могут существенно обогатить его исходное значение. «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования», — говорил В. И. Ленин. — Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок...»¹

Но такая связь точек зрения недостижима без опоры на первоначальный практический смысл предмета, на «связь предмета с тем, что нужно человеку»², с человеческими потребностями. Этот первоначальный смысл и служит основой сближения разных взглядов. И если, анализируя развитие взаимопонимания, мы обращаем внимание на *обогащение* первоначального смысла предмета, то, возвращаясь к формированию человеческой личности, мы делаем акцент на *практическом* его значении и смысле — на той основе, на которой только и возможно возникновение взаимопонимания. С развитием человека становится богаче этот первоначальный смысл, более сложным становится процесс взаимопонимания.

В мире слов

Конспектируя книгу Гегеля «Лекции по философии истории», В. И. Ленин выписывает: «Речи... суть действия, происходящие между людьми...» И в скобках замечает: «...следовательно, эти речи не болтовня»³.

Отделить весомое слово от незначащего, речь, равносильную действию между людьми, от пустословия порой очень трудно. Но необходимо. С этим теснейшим обра-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 290.

² См. там же.

³ Там же, т. 29, с. 281.

зом связана возможность взаимопонимания. Если за словом не стоит дело, оно перестает быть средством связи между людьми. Как, скажем, объяснить такой парадокс: ребенок, только начинающий говорить, чувствует «полновесность» слов, чувствует, что благодаря им он может дать знать взрослым о своих желаниях и потребностях, а взрослый человек, свободно владеющий речью, зачастую утрачивает чувство весомости слова, как бы забывает о его роли «связного» между людьми и их действиями.

Развитие личности мало похоже на равномерное движение по восходящей линии. Скорее оно может быть представлено как ряд последовательных переходов по относительно равным участкам пути, между которыми — подъемы, но бывает, что и разрывы. На каждом из этих участков пути происходит освоение новых связей с окружающими, новых форм деятельности и взаимопонимания. Наступает, однако, момент, когда эти формы взаимодействия уже не соответствуют требованиям, выдвигаемым жизнью. Нужны новые формы. Их надо найти, освоить, выработать в себе. Происходит переход на новый этап с положительным удержанием того, что было выработано ранее, но и с определенной утратой каких-то ценностей. С этим часто связан кризис развития личности и соответственно кризис взаимопонимания.

Психологи выделяют несколько таких переходных моментов в развитии личности ребенка, которые преодолеваются в процессе продвижения на следующую ступень. Один год, 3 года, 7 лет, 13 лет. Особое место занимает подростковый возраст (13—15 лет), имеющий существенное значение для дальнейшего развития человека.

Годовалый ребенок от непосредственно-эмоционального контакта с родителями и близкими переходит

к «совместно-разделенным» действиям с ними, начинает использовать первые слова для определения своих желаний и отношений. Переход к использованию ребенком слова как орудия взаимопонимания происходит как бы сам собой. Взаимодействуя со взрослыми, с предметами, ребенок постепенно усваивает словесные обозначения того, с чем ему приходится сталкиваться. Произнося слова, вступая в разговор со своими близкими, он проверяет и уточняет связи между предметами, действиями и их наименованиями.

Далее, начиная играть, в предметных, ролевых, сюжетных играх ребенок расширяет свои представления об окружающих его вещах и людях, о многообразии свойств предметов и связей между ними, а соответственно и о множестве их словесных обозначений.

Игра, таким образом, открывает широкие возможности для «игры со словом», «игры в слова». Возникают возможности подмены предмета его именем, одного имени предмета — другим. Любому предмету может быть дано любое имя. Ребенок прекрасно пользуется этим, «превращаясь» то в кошку, то в мышку, то в паровоз и присваивая себе соответствующие имена. Однако он чувствует пределы своих превращений, понимает, что может быть кем-то или чем-то еще только потому, что он уже есть определенный человек с лишь ему принадлежащим именем. И когда взрослые делают вид, что они поверили в сказочное превращение ребенка, и воспринимают его теперь только как «мышку» или «паровоз», он яростно, до слез, будет требовать, чтобы в нем снова признали человеческую индивидуальность, будет повторять свое имя как доказательство своей уникальности.

Более тесные и трудные отношения со словом у ребенка устанавливаются с момента поступления в шко-

лу. На этом этапе особенно ощутимой становится роль слова как средства общения и взаимопонимания. Ребята узнают, что слово подчиняется определенным грамматическим законам, что есть устная и письменная речь, родной и иностранный языки.

Ученик овладевает правилами оперирования словами и некоторыми другими — математическими, физическими, химическими — знаковыми средствами. Он учится постепенно отвлекаться от чувственно-предметного смысла, в котором для него впервые открылось слово. Слово становится орудием познания и открывает широкий доступ к различным результатам человеческой деятельности, к которым непосредственного отношения человек не имеет и иметь не может. Он оказывается владельцем того, чего он не добывал и не создавал. И все это благодаря слову.

Попробуем сравнить жест со словом. Жест хранит следы предмета или действия, о котором мы хотим сообщить: он и рассказывает и показывает. В этом его непосредственность и ограниченность; им могут быть выражены главным образом представления лишь о том, что чувственно, предметно дано или освоено человеком.

Слово оказывается материалом куда более податливым: с его помощью можно описать явные свойства вещей и их скрытую связь, непосредственно данное и нечто иллюзорное, то, что было, и то, чего не было. С помощью слов можно передать, что чувствует человек, его субъективные ощущения, его внутренний мир.

На стыке разных деятельностей и человеческих позиций четче обнаруживается функция живого слова связывать разные понимания предмета или ситуации. «Слово — дело великое, — писал Л. Н. Толстой. — Великое потому, что словом можно соединить людей, словом

можно и разъединить их, словом служить любви, словом же можно служить вражде и ненависти».

Вне этого живого отношения слово представляется лишь отпечатком предмета, схемой какой-то связи вещей, оно тогда как бы выражает лишь отношение человека к вещи, но не человека к человеку. Слово становится абстрактным, когда утрачивается понимание его связи с конкретной ситуацией, действием. Вот тогда и возникает иллюзия собственной всепроникающей силы слова, его всемогущества.

Такое отношение к слову находит наиболее полное выражение в магических заклинаниях, игравших значительную роль в жизни первобытных людей. Обнаруживаются они и в поведении людей более поздних эпох, сохраняются даже в какой-то степени — в основном формально — до настоящего времени. Так, упомянув в речи дьявола или черта, люди иногда открещиваются, оговариваются. Известный русский филолог А. А. Потебня замечает: «...трудно определить, где здесь кончается обыкновенная вежливость и начинается серьезное опасение за жизнь и счастье собеседника. Если невзначай язык выговорит не то слово, какого требует мысль, то исполняется не мысль говорящего, а слово».

В этой наивной вере древних людей во всемогущество слова заключено то, что можно было бы назвать «языковой ответственностью», ответственностью за слово. Человек отвечает за то, что он говорит, ибо неосторожно сказанное слово может за собой повлечь действия, представляющие угрозу для другого человека. Хотя связь слова и дела здесь «перевернута» и представлена крайне односторонне, связь тем не менее есть, и благодаря ей через слово вскрывается связь между людьми. Когда единство слова и предмета утрачивается, возникает опасность исчезновения из слова человеческой взаимосвязи.

В начальной школе ребенок, как правило, с интересом узнает, впитывает новые слова, этот процесс на первых порах идет весьма интенсивно. Причем чаще путь усвоения бывает таким: не для новых предметов ребенок ищет словесное обозначение, а, наоборот, находит предметы (растения и животных, инструменты и вещи, людей и события, города и страны) по имеющимся уже у него именам. Устанавливая связи между словами и предметами, все более отдаленными и отвлеченными, ребенок пользуется содействием взрослых: они помогают ему представить то, что стоит за словом, то есть раскрывают его значение, объясняют, в контексте каких отношений и связей это значение может быть понято. Таким образом, понимание ребенком слова явно или скрыто обеспечивается помощью взрослых, взаимопониманием с ними.

Однако по мере накопления знаний все труднее опираться на опыт взрослых, на те формы взаимопонимания, которые были выработаны в общении с близкими. Осваиваемые знания оказываются слишком отвлеченными, оторванными от мира живого общения. Но дело не только в этом.

У взрослеющего ребенка, у подростка возникает вопрос о том, что стоит за этими знаниями, могут ли они быть средством решения проблем, которые возникли *перед ним*? Мир знаний, выраженных словами, утрачивает самостоятельный интерес. Теперь сохранение интереса к нему зависит от того, много ли он значит для внутреннего бытия, внутреннего мира личности; найдутся ли в этом мире слова, с помощью которых человек сумеет понять происходящие в себе перемены.

В период подросткового развития преобразование интересов нарушает общий язык, на котором прежде достигалось взаимопонимание между личностью и внеш-

ним миром. У ребенка обостряется предчувствие «взрослой» жизни, он уже входит в свою новую роль. Но с точки зрения этой новой роли его положение воспитуемого, его место ученика представляются ему не соответствующими его взрослости, даже унижительными. Притом и стремление к роли взрослого сочетается с почти полным отсутствием реальных средств, умений, навыков для исполнения ее. Такое несоответствие внутренней и внешней позиций, несовместимость совмещающихся ролей ведут к серьезным внутренним противоречиям и нередко к конфликту с внешним миром. «Я» и мир разделены более, чем в другие периоды жизни человека.

Одним из важных проявлений этого возрастного кризиса является изменение отношения к слову. Язык, только несущий информацию, только фиксирующий результаты человеческого познания, требующий лишь пассивного усвоения, утрачивает интерес для подростка, становится для него чужим — чужим по отношению к тем интересам и стремлениям, которые созревают в его душе и не могут быть выражены на этом языке. Подросток толкует теперь понимание не как поглощение того, что ему в готовом виде дают взрослые, учителя, книги, но прежде всего как *взаимопонимание*, предполагающее его личную позицию, его ответное слово, помогающее эту позицию проявить, довести ее до сознания другого человека.

Если подросток не находит у взрослых тактичной поддержки (а опыт показывает, что уровень взаимопонимания и откровенности с родителями от 7-го класса к 10-му резко снижается), он ищет ее в компании сверстников. Однако и это общение не может вполне удовлетворить потребность в поддержке, в новых жизненных ориентирах, и подросток пытается разобраться в себе сам, старается самостоятельно осмыслить жизнь

и свое место в ней, пытается найти собственные слова, чтобы выразить свой взгляд на мир. Возникает тяга к уединению, к книгам, потребность в дневниковой записи. В понимании окружающих выявляется и выделяется самопонимание и во многом начинает определять мировосприятие человека в целом.

Конечно, самопонимание не может быть замкнуто в самом себе, оно требует выхода, то есть взаимопонимания. Однако потребность самовыражения у подростка, как правило, носит более или менее эгоцентрический характер; нуждаясь во взаимопонимании, он зачастую не умеет учесть интересы и позицию другого человека и рассматривает его лишь как слушателя, как условие его собственного самовыражения. Сосредоточенный на самом себе, он не может осознать самооценности другого, не понимает, что только благодаря контакту с другими людьми он и сам может уяснить свою собственную позицию, выявить ее. Подросток как будто не замечает, что, разбираясь в себе, он — вольно или невольно — опирается на весь предшествующий человеческий опыт, то есть неизбежно учитывает определенные позиции и оценки других людей.

Это происходит оттого, что ему не хватает предметного, содержательного дела, взаимодействия с внешним миром, в котором он мог бы развивать и утверждать себя как личность, реализовывать свои стремления, знания и силы. Обучение не удовлетворяет вполне этой потребности, так как не может охватить всех сторон развития личности, а кроме того, оно в значительной еще мере рассчитано на пассивную веру в могущество слов, которую к этому времени ученик уже перерабатывает.

Поэтому на данном этапе особенно важно, чтобы знания не были для подростка чем-то мертвым, застывшим, раз и навсегда данным, чтобы он за ними увидел теорети-

ческую и практическую деятельность людей. Это, конечно, не решит проблемы самовыражения, но укажет подростку на связь его собственного развития с усилиями других людей, которые закрепляются в знаниях и находят выражение в слове, по сути, обращенном к нему, ждущем его ответа.

Итак, с какой точки зрения — «внутреннего» или «внешнего» мира — мы бы ни рассматривали ситуацию, ясно, что разрешение противоречий подросткового возраста зависит от того, насколько полно способности и силы взрослеющего человека находят себе применение в деятельном воздействии на условия жизни. Таким образом, он как бы вновь становится участником «сложноразделенных» действий, но это не возврат к ситуации детства, когда он еще только усваивал предметные основы взаимопонимания между людьми. Теперь он сам играет все большую роль в совместных действиях, способствующих укреплению взаимопонимания с другими людьми. Это не только уроки в школе, но и физический труд, занятия спортом, овладение началами профессиональных умений, искусств. Мир, представлявшийся ранее множеством лишь внешне связанных между собой действий, все более раскрывается перед подростком в своей зависимости от человеческой деятельности и взаимосвязи людей. Выбор занятий во многом уже зависит от самого подростка; он разделяет — и чем далее, тем более — ответственность за свое будущее с воспитателями, родными, близкими. Личность начинает более осознанно жить во времени, фиксировать свои отношения с людьми не только в пространстве настоящего, но и в перспективе будущего.

Преодолев этот возрастной кризис развития, подросток как бы вновь открывает связь слова с человеческими желаниями, слово вновь оказывается выражением стремления одного человека к другому, ста-

новится живым, очеловеченным, наполненным реальным, жизненно важным смыслом. Сохранение и в дальнейшем такого отношения к слову, понимания единства слова со своими делами и делами других людей является залогом формирования активной жизненной позиции личности, противоядием пустому словоговорению.

Общий язык, или «Что новенького?»

О людях, которые тесно связаны родственными, дружескими или деловыми отношениями, между которыми существует полное взаимопонимание, принято говорить: понимают друг друга с полуслова или понимают друг друга без слов. Эти выражения указывают на специфический признак взаимопонимания: там, где оно есть, слов надо очень немного, а порою можно и вообще обойтись без них.

Если у людей возникает необходимость словесно определить свое понимание ситуации, это значит, что возник какой-то «зазор» во взаимопонимании, что во взаимодействии людей есть какие-то противоречия, возможно, конфликты. Для того чтобы их преодолеть, их нужно сначала прояснить. Тут и появляются слова. Однако они могут помочь только в том случае, если выражают действительные связи между предметами, реально существующие отношения между людьми. Лишь тогда можно устранить источник непонимания, то есть восстановить нарушенные «правила игры», правила взаимодействия или, что сложнее, изменить их в соответствии с новыми условиями.

Конечно, возможны и чисто словесные недоразумения, связанные с неправильным или неточным употреблением слов, приписыванием одному и тому же слову разных значений. Но и в этих случаях восстановление

общего языка, уточнение значений сводится в конце концов к выяснению того, что стоит за словом, то есть опять-таки к воссозданию реальных предметов, связей, отношений, обозначаемых словом.

Возьмем для примера рассказ А. П. Чехова «Новая дача».

Семья инженера Кучерова поселяется в новом, только что отстроенном доме, неподалеку от деревни Обручановой. Несмотря на то что видимых преград к установлению взаимопонимания между новыми господами и обручановскими мужиками нет, более того, есть стремление Кучеровых и добрая воля некоторых мужиков жить в мире и согласии, но образ жизни и прошлый опыт этих людей столь различны, они так несхожи между собой, чужды и непонятны друг другу, что ничего, кроме скрытой неприязни и даже вражды, между ними возникнуть не может.

Писатель и литературовед В. Б. Шкловский, анализируя этот рассказ, пишет: «Происходит ряд столкновений. Основание столкновений в том, что мужики и господа — враги. Конфликт обнаружен на том, что они не понимают ни взаимных поступков, ни даже слов. Их мироотношения несовместимы. «Мы относимся к вам по-человечески, платите и вы нам тою же монетою». Мужики понимают, что он спрашивает с них по рублю, потому что слово «монета» может стать, и так было, синонимом рубля — золота в деревне не было. Барин, выведенный из себя, говорит, что он будет презирать людей. Но есть понятие слова «призрение» как попечение, забота. Один из мужиков растрогивается этим словом, надеясь что его старость будет обеспечена. Непонимание слов — только знак несовпадения интересов. Потом, дальше, дача попадает к обыкновенному чиновнику, у него с мужиками восстанавливаются обыкновенные отношения и столкновений нет».

Непонимание слов часто возникает в случае несовпадения интересов людей, разных социальных позиций и представлений о жизни.

С одной стороны, слово несет в себе, выражает позицию говорящего, с другой стороны, оно сталкивается с определенными взглядами людей, которым оно адресуется, расшифровывается на их содержательном фоне. Таким образом, внятность (понятность) высказывания в определяющей мере зависит от того, одинаковый ли смысл придают словам собеседники, соотносят ли они их с одной и той же конкретной ситуацией отношений между людьми, их действиями и вещами. Если их позиции близки, то и самые сложные слова окажутся простыми для понимания. И наоборот, если собеседники имеют в виду разные связи вещей и действий, то и самые простые, доходчивые слова будут им непонятны.

Французский поэт Поль Валери, размышляя об этом, пишет: «Открой эту дверь». — Фраза достаточно ясная. Но если к нам обращаются с ней в открытом поле, мы ее больше не понимаем. Если же она употребляется в переносном смысле, ее можно понять. Все зависит от мысли слушателя: *привносит* или *не привносит* она эти изменчивые обусловленности, способна она или нет *отыскать* их». Следовательно, слушающий проделывает определенную внутреннюю работу. Он ищет такую реальность, такую ситуацию, по отношению к которой услышанные слова обретают конкретный смысл. Он ищет, как скажут лингвисты, контекст для этих слов. И если контекст ему неизвестен или неясен, он не понимает или недопонимает слова. И тогда человек просит повторить их. Он сам повторяет их, как будто они говорятся не на родном, а на незнакомом языке.

Описанная ситуация особенно характерна для тех случаев, когда высказывание содержит много новой

информации. Непонимание слов сопутствует осознанию нового содержания, является предпосылкой его освоения. Преодолеть такое непонимание — значит изменить свои представления о предмете и, следовательно, в какой-то мере измениться самому.

В этом не возникает необходимости, если в сообщаемой информации нет ничего нового. Тогда слушающему не нужно пытаться что-либо понять, а следовательно, не нужно расширять, углублять, а иногда и изменять свои представления, взгляды. Диалог, который зиждется на «понимании», повторении уже известных вещей, мало что может дать человеку, ибо не меняет ни вещей, ни дел, ни его сознания, ни отношения к реальности, иными словами, не способствует развитию личности.

Такое общение как будто создает контакт между людьми, на деле это лишь его имитация. Возникает иллюзия, что собеседники придерживаются общих представлений о положении дел, что у них общие взгляды относительно прошлого и будущего. Общность, выражаемая повторением слов и фраз, достигается очень легко и почти лишена противоречий, потому что она ни к чему не обязывает, не побуждает человека что-то изменить вне или внутри себя. Она вроде бы происходит по правилам, выдержаны формы, но само-то общение оказывается выхолощенным, бессодержательным. Удвоение слов, поддакивания, повторы фраз подменяют взаимопонимание.

Подобное отношение к слову и общению находит свою наиболее завершенную форму в чисто словесном освоении правил человеческих взаимодействий и соответственно в словесном же их исполнении. Художественная литература дает нам много примеров такого типа поведения.

Один из наиболее известных и популярных персона-

жей, к которым можно обратиться в этой связи, — бра-
вый солдат Швейк, герой романа Ярослава Гашека.
Он находит любому своему поступку достаточное сло-
весное обоснование в параграфах законов и уставов,
в общепринятых нормах, в ходячих мнениях и вымы-
сленных историях самого невероятного содержания.
Он всегда готов выставить против одного правила
другое, против одной истории другую. Он высоко ценит
буквальное выполнение приказа, ибо оно по большей
части оказывается реально невыполнимым. Швейк,
демонстрируя свое рвение к буквальному испол-
нению предписанного, выявляет бессодержательность
(даже идиотизм) правила или приказа, оторванных
от реальной жизненной ситуации, а сам ухитряется
при этом сохранить внутреннее достоинство и добро-
душие.

Вот одна из сцен романа. После неудачной попытки
«подружить» кошку с любимой канарейкой поручика
Лукаша Швейк сообщает поздно возвратившемуся пору-
чику: «Осмелюсь доложить, господин обер-лейтенант,
все в порядке. Только вот кошка набезобразничала:
сожрала вашу канарейку.

— Как?! — загремел поручик».

И Швейк, рассказав об эксперименте, начинает
заговаривать поручика зубы историями о животных.
Поручик ложится спать. Через некоторое время Швейк
вспоминает, что кошка не понесла наказания, ибо он не
мог ее наказать без приказа поручика: «Осмелюсь
доложить, господин обер-лейтенант, я не получил при-
казания насчет кошки».

Поручик во сне перевернулся на другой бок, про-
бормотал: «Три дня ареста!» — и заснул опять. Швейк
тихо вышел из комнаты, вытащил несчастную кошку
из-под дивана и сказал ей:

— Три дня ареста!

И ангорская кошка полезла обратно под диван».

Вера в правила действий, почерпнутые из книг, а не из жизни, приводит к трагикомическим столкновениям с действительностью другого известного литературного героя — Дон Кихота. Как замечает французский философ М. Фуко, «Дон Кихот читает мир, чтобы доказать правоту книг». Он усвоил рыцарские правила чести, правила рыцарской борьбы, но проигрывает поединок за поединком в своих столкновениях с внешним миром, потому что этот мир устроен не по рыцарским правилам. И Дон Кихоту приходится не победами, а самым фактом своего существования, верой и стремлением доказывать возможность справедливости.

Выявление несоответствия фразы и ситуации, слова и дела — это прием, с помощью которого литература и некоторые другие виды искусства сатирически или юмористически обнажают реальную противоречивость человеческих отношений и взаимодействий, нарушения в логике вещей.

Разрывы словесной связи свидетельствуют о серьезных, порой непреодолимых барьерах во взаимопонимании между людьми, об исчезновении жизненного, общего содержания из их деятельности, о нарушениях целостности внутреннего мира личности.

На Западе существует театральное направление — так называемый «театр абсурда». По-своему отражая весь трагизм существования человека в классово-антагонистическом обществе, где господствует отчуждение, драматурги и режиссеры этого направления пытаются выразить разорванность человеческих взаимосвязей, бессмысленность самого существования человека, и средством для этого им служит отсутствие смысловой связи в том, что говорят и делают герои их пьес. Вот один из примеров:

Эс трагон. Прелестное место... Восхитительный вид... Давай уйдем.

Владимир. Мы не можем.

Эс трагон. Почему?

Владимир. Мы ждем Годо.

Эс трагон. Да, правда... А ты уверен, что это здесь?

Владимир. Что?

Эс трагон. Нам его ждать надо.

Владимир. Он сказал, около дерева... Ты где-нибудь еще видишь деревья?

Эс трагон. Что это за дерево?..

Владимир. Не знаю. Ива, похоже.

Эс трагон. А где же листья?

Владимир. Оно, верно, засохло.

Эс трагон. Не плачет больше.

Владимир. Или, может, не то время года.

Эс трагон. По-моему, это кустарник.

Владимир. Куст.

Эс трагон. Кустарник.

Это часть диалога из пьесы Сэмюэла Беккета «В ожидании Годо». Герои не знают, где они находятся, в каком времени (дня, года, истории), кто они, чего они ждут. Их связывает лишь тонкая нить неопределенного ожидания. Тонкой и рвущейся оказывается связь между фразами, которые едва цепляются друг за друга. У текста почти нет контекста, нет реального содержания. Взаимопонимание на исходе.

А вот образец диалога из пьесы Эжена Ионеско, другого представителя «театра абсурда», «Лысая певица».

Мистер Смит. Следует постоянно думать обо всем.

Мистер Мартин. Потолок наверху, пол внизу.

Миссис Смит. Когда я говорю «да», это всего лишь способ выражаться.

Миссис Мартин. Каждому свое.

Хотя персонажи обмениваются вполне понятными и грамматически правильными фразами, они не вступа-

ют в контакт, ибо в том, что они говорят, отсутствует жизненное содержание, это не затрагивает других, неинтересно им.

Одна из героинь выражает чрезвычайно простую мысль следующим образом: «Мери хорошо поджарила картошку сегодня вечером. Прошлый раз она ее поджарила явно хуже. Я люблю картошку только тогда, когда она хорошо прожарена». Обыкновенное замечание приобрело чрезвычайно пространный вид. Причем эта пространность не только не увеличивает его содержательности, но при всей видимости логической и грамматической правильности это высказывание лишь подчеркивает его бессмысленность: оно безразлично для присутствующих, не несет ничего нового, ничего не выражает. Более того, благодаря пространности оно как бы и не предполагает реакций и ответов других персонажей, оно заполняет и время возможных ответов, и время пауз, необходимых для осмысленного диалога. Такое высказывание оказывается замкнутым в себе.

В этой же пьесе персонажи обмениваются такими, например, репликами: «Автомобиль идет быстро, но кухарка готовит блюда лучше», «Я жду, чтобы акведук посетил меня на моей мельнице», «Те, кто сегодня покупает овцу, завтра получают по яйцу», «Можно доказать, что социальный прогресс лучше всего подавать с сахаром». Здесь уже внутри самой фразы задана невозможность диалога: поскольку нарушена содержательная связь между ее частями, построить осмысленный ответ на нее оказывается практически невозможным.

«Театр абсурда» попытался выразить разрушение человеческой личности через невозможность ее содержательного контакта с другими людьми, а последнее в свою очередь — через невозможность осмысленного диалога, через разрыв связей между словами. Действитель-

но, в условиях отчужденного существования, характерного для буржуазного общества, человек не может найти опору ни в предметном содержании своей деятельности, ни в правилах поведения, ни во внутренних убеждениях. Его бытие становится разорванным на не связанные между собой части. И само слово как средство общения оказывается иллюзорным. Оно делает общение формальным, не приводящим к взаимопониманию. «Театр абсурда» абсолютизирует эту ситуацию, перенося ее на все современное общество. Разрыв личности и общества он пытается выразить, используя бессвязный диалог, формально правильную, а по существу бессодержательную речь. Это театр взаимонепонимания.

Есть неписанные законы взаимопонимания, о которых мы обычно не думаем, сознательно их не фиксируем. Задуматься о них нас заставляет непонимание, вызванное их нарушением.

К числу необходимых условий взаимопонимания психологи относят следующие.

У разговаривающих должна быть «общая память», то есть достаточное количество общей информации относительно прошлого. Чем больше у них общих представлений о прошлом, тем более спрессованным, кратким может быть словесное сообщение.

Собеседники должны обладать общими предположениями и прогнозами относительно будущего.

Участники диалога должны иметь в виду одну и ту же реальность; предметы не меняются, пока о них говорят.

Только при этих условиях и может возникнуть содержательная связь между словами и фразами, которые становятся носителями определенного смысла, обоюдно понятного для собеседников. Эти условия приобретают полновесность, если в ходе общения со-

беседники получают новую, жизненно важную для них информацию, затрагивающую их позиции и интересы. Она побуждает их воспринимать слова как своеобразные стимулы к будущим действиям, к самоизменению, к саморазвитию.

Правила в игре

Итак, мы выяснили, что необходимым условием взаимопонимания в процессе общения людей является соответствие слов реальным вещам и связям. В зависимости от того, соблюдается или не соблюдается это условие, можно установить, сколь содержательно то или иное высказывание.

Множественно соотнося слова с реальным поведением людей, предметным содержанием их и своей деятельности, человек приобретает способность сопоставлять слова, действия, вещи, отделять смысл от бессмыслицы. Эта способность необходима для формирования личности, она есть определенный результат освоения человеком окружающего мира, результат превращения внешнего социального опыта в опыт внутренний, личностный, проверенный на практике собственного развития.

Опыт, полученные человеком ранее знания, имеющиеся у него представления помогают ему восполнить те пробелы, которые бывают в словесном сообщении, создать цельную и ясную картину. Так, человек, включившись во взаимодействие с другими людьми, способен уловить общий характер ситуации по отдельным действиям, по репликам восстановить тему разговора. Исследователи утверждают: человек может не разобрать до 50 процентов информации, содержащейся в словесном сообщении, и тем не менее понять в целом его смысл. Каждому не составит труда найти примеры, когда отрывочные фразы, слова, возгласы, предложения с

неправильной грамматической формой доносили необходимую нам информацию. В двух, трех словах, как в телеграмме, порой спрессована такая информация, которая потребует на письмо нескольких страниц изложения. Но такого объясняющего изложения, как правило, не требуется. Потому что человек, восприняв направленное к нему слово, в состоянии дополнить имеющиеся данные своими представлениями, и тогда описание и пояснение, письменное или устное, становится излишним.

Человек, вникающий в ситуацию, воспринимает слова в контексте обстоятельств и действий. Он «читает» не только слова сами по себе, но и то, что стоит за словами: условия, причины, побуждения, цели людей — все, что характеризует конкретную ситуацию.

Главной фигурой, определяющей во многом ситуацию, является говорящий, сообщающий что-то человек. Тот же, кто воспринимает информацию, придает значение не только содержанию сообщения и обстоятельствам, при каких оно было сделано. Он обратит внимание на продолжительность высказывания, на интонации, на темп и ритм речи говорящего. И на неречевые эффекты (экстралингвистические факторы, как говорят специалисты), сопровождающие высказывание: позу говорящего, жестикуляцию, выражение лица.

Психологами, например, замечено, что энергия человеческих чувств проявляется, фиксируется в позе и движении ног индивида. По движениям рук и выражению лица можно судить о характере чувства. Несоответствие энергии высказывания позе и жестикуляции, содержания высказывания — мимике может выдавать неискренность человека, его желание отстраниться от той информации, которую он высказывает, намеренно

или неосознанно выявить в словах не тот смысл, который возникает из их прямого восприятия.

Требуется, конечно, определенная чуткость не только к высказываемому, но и ко всей обстановке беседы, чтобы определить, что говорящий «играет не по правилам» или «играет по другим правилам», вводит в реальную ситуацию другие — реальные или мнимые — ситуации с соответствующими им правилами взаимодействия.

Человек, стремящийся к пониманию и понимающий, схватывает словесный текст вместе с его контекстом, принимая во внимание все обстоятельства, в которых происходит общение. Ему приходится учитывать не только данную ситуацию общения, но и те возможности, дополнительные смыслы, которые возникают благодаря другим, явно не присутствующим в этой ситуации человеческим взаимодействиям, например предшествующим ей или ожидаемым вслед за нею.

Чтобы достичь этого, человек должен мобилизовать все свои способности, чувства, весь опыт деятельного общения с людьми. Такое восприятие требует от слушающего известной тонкости и даже своего рода артистизма. Здесь нужно искусство слить в едином акте восприятия слова, мимику, позу, движение говорящего, непосредственную ситуацию общения и те дополнительные оттенки, которые придают ей прошлое и будущее. Нужно умение представить ситуацию в развитии. Говоря языком музыкантов, выявляется сложнейшая партитура человеческого общения и взаимопонимания. В ней наряду с солирующими инструментами даны партии инструментов, лишь намечающих общую атмосферу; наряду с ведущими голосами, выражающими главные темы, возникают голоса, сопровождающие их. Различные голоса взаимодействуют по определенным правилам, но правила эти меняются в ходе подвижного

взаимодействия разных голосов. Голоса то сходятся вместе, то расходятся линиями отдельных тем и мотивов.

Проникновение в сложную партитуру общения требует от понимающего не какой-то особой способности, но всего личного опыта. Понимание непосредственно (по времени и ситуации его возникновения), но оно сложно, опосредствовано всем опытом развития личности.

Личность, развиваясь, проходит как бы ряд последовательных этапов, или, иначе говоря, ряд взаимосвязанных, но тем не менее отличных друг от друга «контекстов». Она постепенно осваивает предметно-деятельные отношения, словесные взаимодействия, игровые взаимосвязи, самые различные формы практического и теоретического опыта человечества. Собственно, само становление человеческой личности может быть понято как развитие сил и способностей человека с опорой на различные, все усложняющиеся «контексты» и правила человеческого взаимопонимания. Результатом такого становления и оказывается умение человека осмысленно переходить от одного «контекста» к другому, от одних правил взаимодействия к другим, от исследования к игре, от серьезного усилия к шутке.

Переход от одной ситуации к другой, от одних правил взаимодействия к другим — это не просто свободная игра, но и серьезная работа. Вступление в каждую новую конкретную ситуацию требует, чтобы личность преодолела стандартные и привычные для себя представления, более четко осознала и определила свою жизненную позицию, выработала новое отношение к позициям других людей. Труд этот может оказаться мучительным для человека, но он — необходимое условие его творческого развития. Только пройдя через разные стадии и ситуации взаимодействия с людьми,

человек приближается к пониманию единства своей личности, к осмысленному определению своей позиции в общественной жизни.

Требования жизни

В обыденном сознании сохраняется еще предрассудок, что формирование личности происходит только или главным образом в период взросления, становления, что только тогда человек усваивает образ мыслей, основные правила поведения, взаимодействия с другими людьми, тогда закладывается его характер, вырабатываются определенные принципы, которыми он затем руководствуется в своей жизни. Но при всем значении этого периода, от которого действительно во многом зависит дальнейшее развитие человека, ограничивать воспитание людей только его рамками было бы неправильным. Процесс воспитания и самовоспитания идет на протяжении всей жизни человека. Социалистическое общество особенно заинтересовано в том, чтобы зрелый человек не замыкался в повторении усвоенных им стереотипов поведения и мышления.

Мы часто говорим о динамизме современной жизни. Но что это, собственно, такое? Как динамизм жизни преломляется непосредственно в задачах, которые встают перед людьми в их повседневном бытии? И почему взаимопонимание на нынешнем этапе общественного развития не только ощущается как острая необходимость на уровне межличностного общения, но и выступает как актуальная социальная потребность?

Интенсификация производства и использование достижений научно-технического прогресса, совершенствование организации труда и управления — эти и другие важные задачи, стоящие перед нашим обществом, могут быть успешно решены только в том случае,

если они глубоко поняты, осознаны, прочувствованы людьми, каждым членом общества, в конечном счете каждым из нас. Другими словами, каждый человек должен быть на уровне данных задач, должен быть подготовлен эффективно решать их. Отсюда повышенные требования к воспитанию личности, формированию у нее способности к самообучению, самодисциплине, умения ориентироваться в сложном переплетении экономических, социальных, идеологических и культурных воздействий. Развитие, совершенствование способностей, социально полезных качеств перестают быть только личным делом самого человека.

Жизнь все чаще включает людей в проблемные ситуации. Способы деятельности, программы, алгоритмы решений, знания, навыки, оценки, которые ранее можно было получить от общества в качестве готовых результатов, своего рода продукции, требующей лишь соответствующего употребления, теперь приходится зачастую находить самостоятельно в ходе решения все новых жизненно важных практических задач. Общественный эффект деятельности личности все больше зависит от ее инициативности в постановке вопросов и выборе решений. Собственно, зрелость личности во многом и определяется тем, насколько она в состоянии понять, осмыслить общественные потребности как свои собственные жизненные установки, насколько она способна их реализовать вне зависимости от внешнего побуждения.

Личность, способную проявить самостоятельность в решении как своих жизненных, так и общественных задач, действующую по собственной инициативе и не допускающую, чтобы кто-то другой думал и решал за нее, готовую принять на себя всю полноту ответственности за совершенные деяния, Гегель точно и емко определил в свое время как «подлинный характер». Формиро-

вание таких личностей, таких «подлинных характеров», у которых бы, используем выражение Ю. В. Андропова, «слова никогда не расходились с делом, а суть дела не подменялась формой»¹, — одна из задач общественного воспитания в современных условиях.

В жизни и деятельности каждого встает множество проблем, требующих творческого подхода, нового уровня понимания и взаимопонимания. В первую очередь это проблемы, возникающие в производственной деятельности. В любой коллективной, организованной работе людей взаимопонимание является необходимым компонентом, необходимым условием взаимодействия.

Без постоянного контакта, обмена опытом, информацией невозможна совместная деятельность людей. И наоборот, лишь в коллективе, в коллективном труде достижимо подлинное, обогащающее личность общение между людьми, основанное на взаимопонимании. «Не понимая дел, — писал В. И. Ленин, — нельзя понять и людей иначе, как... внешне»².

Уровень взаимопонимания зависит как от сложности выполняемой работы, а в этом плане деятельность первобытных охотников, с рассмотрения которой мы начали разговор о взаимопонимании, несравнима с современным производственным процессом, так и от того, *какие цели* сплачивают, объединяют людей в коллективе.

Ближайшей, непосредственной целью, несомненно, является производство какой-либо ценности. Но вряд ли можно говорить о взаимопонимании в том коллективе, где каждый заинтересован только в том, чтобы «отработать свое», получить за это соответствующую плату, а общие результаты деятельности бригады, предприя-

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 года, с. 17.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 221.

тия, учреждения никого не интересуют. Человека с развитыми социальными потребностями не может удовлетворить такая работа. Благоприятный морально-психологический климат создается только там, где у каждого работника есть четкое сознание необходимости своего труда, где требование качественно трудиться воспринимается не как навязанная извне обязанность, а как естественная норма добросовестной работы. Не случайно принятый в июне 1983 года Закон СССР «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями» законодательно закрепляет за трудовыми коллективами обязанность не только высокопроизводительно трудиться, но и проявлять заботу о развитии трудовой и общественно-политической активности членов коллектива, воспитании их в духе моральных принципов строителей коммунизма.

Таким образом, не только необходимость выполнения определенных действий, поддерживающих цепочку коллективной деятельности, но и социальные, нравственные ценности являются основой истинного взаимопонимания. И только на этом пути возможен по-настоящему эффективный, высокопроизводительный труд. А ведь «именно труд, сознательный, добросовестный, инициативный, труд на благо общества признается у нас высшим мерилом достоинства и общественного престижа личности»¹.

Одним из конкретных средств для установления и совершенствования взаимопонимания в трудовом коллективе являются так называемые деловые игры. В последнее время они получают все большее распро-

¹ Андропов Ю. В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР, с. 13.

странение на предприятиях. При помощи этих игр, имитирующих, моделирующих различные производственные ситуации, конфликты, люди учатся принимать управленческие решения со знанием дела, правильно, адекватно реагировать на любые, самые неожиданные повороты событий. Проигрывание различных вариантов поведения дает возможность каждому из участвующих взглянуть на ситуацию глазами соперника, понять его интересы, посмотреть со стороны на свою роль, оценить свои способности, осознать новые требования, предъявляемые к его работе.

Тонкого умения, постоянного самосовершенствования требует и сложный процесс воспитания детей, когда взрослый вместе с ребенком как бы вновь осваивает мир, узнает людей. Нетворческий подход к этому трудному и очень важному делу, неумение, а подчас и нежелание вникнуть в потребности, стремления своих детей порождают проблему «отцов и детей», а иногда оборачиваются невосполнимыми потерями для обеих сторон.

Следовательно, масса проблем возникает перед каждым человеком на всех этапах его жизненного пути, все время заставляя его двигаться вперед, совершенствовать свое умение понимать других людей, осознавать новые явления в личной и общественной жизни.

Бывает, что такие проблемы возникают и тогда, когда, кажется, большая часть жизненного пути уже пройдена и за плечами богатый опыт, позволяющий человеку со знанием дела судить о многом, быть арбитром, советчиком, наставником для других. В таких ситуациях непонимание становится особенно болезненным и мучительным. Так случилось с Сергеем Никитичем Абрикосовым, главным героем фильма «Частная жизнь» (сценарист — А. Гребнев, режиссер — Ю. Райз-

ман). Он, руководитель крупного производственного объединения, вынужден уйти на пенсию «по собственному желанию», хотя еще полон сил, не представляет себе жизни без работы. Мы не будем здесь анализировать, был ли Абрикосов хорошим руководителем, что послужило причиной его ухода, нас в данном случае интересует то, что человек, привыкший руководить, решать за других, «вершить судьбы», уверенный в правильности того, что он делает, вдруг оказывается совершенно беспомощным в отношениях с самыми близкими ему людьми — с женой, детьми. Обнаруживается, что все они, по сути, чужие люди, живущие каждый своей жизнью и объединенные лишь формальными родственными связями. Совершенно поглощенный своей деловой жизнью, Сергей Никитич не замечает, как между ними давно уже выросла стена непонимания. Удастся ли героям преодолеть эту разобщенность, «пробиться» друг к другу? Ответить на этот вопрос однозначно нельзя, но ясно, что этот урок не останется не замеченным для Абрикосова. От него потребуется большая душевная работа, умение в чем-то отказаться от себя прежнего, умение быть открытым для все новых проблем.

Залогом преодоления трудностей, возникающих в жизни каждого человека, является умение видеть эти проблемы, готовность решать их. Важно, чтобы не торжествовала инерция взглядов, позволяющая их не замечать, равнодушно проходить мимо.

Проблемные ситуации растворены во множестве других жизненных явлений, событий, не выделены в чистом виде, они естественным образом присутствуют во всем, что делает человек. Но есть и своеобразные «катализаторы», «возмутители спокойствия» человеческого духа, не дающие ему заостенеть в устоявшемся, привычном, заставляющие человека пристально взгляды-

ваться в окружающий мир, глубже понимать себя и других. Мы имеем в виду прежде всего искусство. Будучи обращенным к индивиду, к личности, к «я» каждого человека, оно в то же время не замыкается личными, камерными проблемами. Часто искусству принадлежит приоритет в постановке важных вопросов, волнующих общество, оно является средством передачи социального опыта, осмысленного «изнутри», с точки зрения субъекта, человека. Оно побуждает людей к сотворчеству, к оживлению, обновлению их способности к взаимопониманию, их мироощущения.

С древнейших времен искусство хранит в себе эту функцию. И если порой это назначение его предается забвению, если отношения между художником и не художником превращаются в отношения между творцом и потребителем, то виной этому определенные социально-экономические условия, в частности капиталистическое отчуждение, противопоставляющее творческий процесс и развитие масс.

В наше время функция искусства как средства взаимопонимания между людьми, их личностного развития осознается все более остро. Искусство создало мощную систему воздействия на все стороны бытия человека, но, чтобы быть действенными, эти средства должны служить не только для потребления и отдохновения, но для обновления личности, для постижения других людей. Все виды искусства ставят перед собой эту высокую цель, но, рассматривая проблему взаимопонимания, мы должны отдать предпочтение театру. И потому, что он объединяет в себе многие виды искусства, и главным образом потому, что, говоря со зрителем, как точно заметил советский драматург В. С. Розов, «самым доступным и всеисчерпывающим языком — языком чувств», он воспроизводит *живое взаимодействие*, служит своего рода моделью процесса взаимопонимания, высвечивает

практически все его грани, показывает его и как задачу, и как работу.

Размышляя о роли театра в воспитании чувств, В. С. Розов пишет, что он призван «помочь человеку понять свой собственный внутренний мир, свой уникальный настрой чувств и научиться управлять им... Театр — сильнодействующее средство, чтоб возбуждать хорошие чувства и гасить скверные...»

Диалог

Зритель, как и артист, является творцом спектакля... Коллективное творчество, на котором основано наше искусство, обязательно требует ансамбля...

К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ

Почему театр?

Театр — это игра, но игра, требующая определенных усилий, определенного труда. Труда настолько интересного, что трудность его переносится, казалось бы, с легкостью. Но легкость эта такова, что она никоим образом не исключает серьезности. Ведь участники театрального действия как бы всем своим существом включаются в него, переживают все его перипетии —

радости, победы, поражения. И все же грань между происходящим на сцене и переживаемым в зале никогда полностью не исчезает. Спектакль окончен, зрители поднимаются с мест и выходят из театра. Казалось бы, все осталось по-прежнему. Но ведь что-то и изменилось...

Особенность театра (и это обстоятельство очень важно для нашей темы) в том, что драматическое действие протекает здесь на глазах зрителей, при их сочувствии и соучастии.

Читатель читает книгу, кинозритель смотрит фильм, и тот и другой пытаются понять, понимают, но они не в силах воздействовать на текст и киноизображение, оказать какое-то влияние на характер разворачивающегося действия. Театр же «и потому могучее средство воздействия, — пишет драматург В. С. Розов, — что таинственный творческий акт происходит на глазах зрителей. Образ, запечатленный в мраморе, — след творческого акта, как и картина, как и напечатанная книга. В театре же зритель присутствует при самом процессе творчества. Может быть, именно это и есть главное чудо театра».

В театре зрители получают возможность своим пониманием и сочувствием повлиять на актеров, на эмоциональный тонус спектакля. Многие исследователи отмечают эту специфику театра — диалогический характер отношений между тем, что происходит на сцене, и зрителем. Спектакль всегда существует в настоящем времени, он рождается на глазах у зрителей. Самим фактом своего присутствия они помогают прояснить логику театрального действия, причины и мотивы поступков, совершаемых персонажами. Зрительское восприятие дает оценку происходящих на сцене событий, а следовательно, так или иначе включается в них.

Диалог, разворачивающийся между актерами и зри-

телями, может выражаться и в сосредоточенном молчании, и в неудержимом хохоте.

Для того чтобы спектакль состоялся, чтобы в итоге было достигнуто взаимопонимание тех, кто действует на сцене, со зрителем необходима большая предварительная работа. Судьба спектакля зависит не только от драматурга, режиссера, актеров, художников, но и от подготовленности зрителей. Мысли драматурга и намерения режиссера, игра актеров и воображение художников, восприятие и оценки зрителей должны слиться воедино. В процессе самой подготовки спектакля его создатели ориентируются на то, как он будет воздействовать на зрителя, будет ими воспринят и понят. Ориентация на определенное взаимопонимание между актерами и зрителями как невидимый закон управляет становлением спектакля, его движением от замысла к исполнению.

Можно выделить условно несколько компонентов, предпосылок и одновременно этапов рождения спектакля, необходимых для того, чтобы он в конечном счете был успешным.

Во-первых, режиссер выбирает пьесу и дает ей трактовку. Он вырабатывает определенное понимание, интерпретацию авторского замысла. Если пьеса создана давно, отделена от нас значительным промежутком времени, режиссеру приходится учитывать, как она понималась и трактовалась в период своего появления, переводить ее на язык современного понимания, а для этого так или иначе приходится устанавливать контакт между разными историческими временами. Короче говоря, задача режиссера, не исказив смысла, который вложил в пьесу автор, обнаружить значимость его, сделать его интересным современникам, то есть найти основу для взаимопонимания.

Однако самое тонкое понимание авторского замысла,

прочтение пьесы ничего не даст, если оно не воплотится в игре актеров. Это второй компонент рождения спектакля. На этом этапе режиссер как бы заново — теперь уже вместе с актерами — углубляется в текст пьесы, с их помощью делает зримым тот мир человеческих взаимодействий, который только угадывается в речи персонажей и авторских ремарках. Задача актера — понять, глубоко проникнуть в мир своих героев. Без этого невозможно вживание в образ, правдивая, искренняя, достоверная игра.

Не менее важно взаимопонимание между актерами. Если его нет, если не получилось слаженного, единого ансамбля, если не связывает всех участвующих в спектакле общее ощущение и эстетическое чувство, общая оценка происходящих в спектакле событий, позволяющие найти единый ракурс сценического действия, определить характер, стиль, тональность постановки, цепочка понимания не протягивается дальше к зрителю, обрывается.

Но это лишь предварительный этап. Есть и третье, основное условие того, чтобы спектакль состоялся, предстал в завершенном виде, — это публика. Конечно, любой вид искусства предполагает публику. Сам предмет искусства, отмечал К. Маркс, «создает публику, понимающую искусство и способную наслаждаться красотой»¹. Но особенность театра в том, что здесь публика непосредственно завершает акт творчества. «Когда речь идет о других видах искусства, — пишет английский режиссер Питер Брук, — художник может возвести в принцип идею работы для самого себя... Есть надежда, что и другие тоже будут испытывать от нее удовлетворение. В театре дело обстоит иначе... Пока не появилась публика, работа не закончена... Я ду-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 28.

маю, что каждый режиссер согласится, что его собственный взгляд на свою работу полностью меняется, когда он находится среди зрителей».

Собственно, работа не заканчивается, а начинается, когда появляется публика. Но это уже работа актерского ансамбля совместно с публикой. И от публики в конечном счете зависит, как реализуются усилия режиссера и актеров. В присутствии зрителей выявится, какие нюансы постановки и игры «доходят», а какие остаются незамеченными. И дело не в том, что публика «всегда права», а в том, что она — тот необходимый компонент, который делает спектакль живым событием человеческого общения и взаимопонимания.

Условия игры

Режиссер ищет пьесу. Ищет драматурга. Казалось бы, нужно ли их искать? Ведь пьес — превеликое множество. Драматургов тоже хватает: и современников и классиков. И тем не менее режиссер активно ищет пьесу, а не находя, обращается к переделке романов и повестей. Выбор пьесы — это выбор текстов, которые призваны выразить нечто, представляющееся режиссеру важным и интересным для понимания человеческих взаимоотношений. Это выбор событий, мыслей, идей, которые, с его точки зрения, вскроют какие-то глубины жизни и будут понятны зрителям, вызовут в их душах отклик. Текст должен породить живой и серьезный диалог между театром и зрителем, то есть между человеком и человеком.

Это способна сделать только такая пьеса, в которой поднимаются острые, волнующие многих людей вопросы, находят отражение проблемы, поставленные самим временем. Только такая пьеса сможет задеть за живое зрителей. Драматург В. С. Розов так говорит о побу-

дительных мотивах своего творчества: «Если я пишу пьесы, то, значит, хочу поделиться со зрителем чем-то, что мне кажется интересным, на что прошу обратить внимание и других. И не просто в мягкой, нежной форме, а чаще всего хочется кричать, чтоб и другие слышали этот крик».

Не просто развлечь зрителя, но и активизировать его личностные ресурсы, глубоко проникнуть в его душу — такова конечная цель, служащая ориентиром при выборе режиссером драматургического материала. Чтобы ее достичь, пьеса должна нести в себе нечто новое, в ней должны быть по-новому представлены хотя бы и самые обыкновенные человеческие отношения. Прodelать определенную душевную и мыслительную работу, соразмерить свое видение жизни с происходящим на сцене — вот путь, по которому драматург, режиссер, актер призваны направить зрителя.

Дело осложняется тем, что до завершения спектакля, до встречи со зрителями ответить с определенностью на вопрос о том, способна ли пьеса вызвать живой отклик зала, нельзя.

Есть, правда, один прием, позволяющий до известной степени выявить, есть ли в драматургическом материале та естественность, из которой может вырасти живой диалог театра и зрителя. Об этом приеме советский режиссер Г. А. Товстоногов говорит так: «...я бы рекомендовал, прочитав пьесу, попытаться мысленно перенести ее действие в другую страну, в прошлый век. Если такой перенос возможен — пьеса несовершенна, пьеса ложна».

Настоящее произведение драматургии выражает определенные человеческие проблемы, интересы, стремления. Если в пьесе легко меняется историческая, социальная, национальная обстановка, значит, она либо плохо связана с реальными стремлениями людей, либо выра-

жает некие стандартные, унифицированные взгляды и интересы. И обоснованным становится опасение, что она не вызовет той работы ума и души, которая способствует подлинное понимание.

А как быть с классическими пьесами, с теми, которые как бы «одобрены» самой историей, постановки которых широко известны и которые в представлениях зрителей, критиков, актеров и режиссеров как бы неотделимы от общепринятых их оценок и реакций на них? Но ведь пьеса потому и классическая, что ее сценическая интерпретация не может быть однозначна и не может исчерпать тех вопросов, которые мучили драматурга и его современников. И вот перед режиссером встает задача: не отбрасывая опыт предшествующего понимания такой пьесы, по-своему выразить ее особую атмосферу, проблематику. Это предполагает обращение к современности, прочтение пьесы сквозь призму проблем, которые волнуют современных людей.

Примером такого прочтения классической пьесы является постановка Г. А. Товстоноговым пьесы А. М. Горького «Мещане» в Ленинградском Большом драматическом театре.

Привлекательность этой пьесы для театра таила и скрытую опасность. Разоблачения мещанства вырабатывали особый штамп его понимания: раз мещанство выражается в стремлении к вещам, то и изображать его надо через вещественные признаки, через поиск внешней характерности персонажей.

Перед театром возникла дилемма: либо идти по уже проторенной дорожке, то есть изображать мещанство в соответствии со сложившимся стереотипным пониманием, либо начать новое исследование этого образа жизни, открывающее какие-то особые «ресурсы» пьесы, и тем самым вступить в активное сотворчество с классиком. Для этого требовалось отойти от внешних

примет, воссоздать ту особую атмосферу человеческих взаимоотношений понимания и непонимания, надежд и разочарований, которую искал автор. Не опрокидывая сложившихся представлений (а в какой-то мере даже опираясь на них), театр и сконцентрировал свое внимание на воссоздании этой эмоциональной атмосферы.

На сцене — дом старшины малярного цеха Бессеменова. Действующие лица: сам Бессеменов, глава дома и семьи, его супруга, его дети — дочь, учительница, сын, бывший студент, изгнанный за необдуманное участие в каких-то волнениях, приемный сын Нил, мастеровой, родственники, постояльцы, гости.

Люди с разными представлениями о жизни, о деле, добре, зле, сущем и должном под одной крышей. За этими представлениями разный жизненный опыт, различные устремления. В доме атмосфера постоянного выяснения отношений, которые от этого становятся еще более запутанными. Длится изматывающая силы словесная борьба, делаются последние попытки хозяина дома подчинить других своему мнению, своей вере, своим словам. И вместе с тем атмосфера бездействия, повторения одних и тех же позиций, одних и тех же слов.

«В чем увидел я опасную суть мещанства? — говорил Г. А. Товстоногов. — В том, что люди придумывают себе фетиши и слепо верят в их незыблемость, не видя за частоколом понятий подлинной реальности жизни. А добровольное рабство делает человека ограниченным, лишает его способности вырваться из-под власти мертвых схем и канонов, глухой стеной замкнувших, замуровавших его в рамках собственной застенелости. Мы часто говорим: «Надо смотреть на жизнь философски». Но умеем ли мы сами встать на позицию философской невосприимчивости к ложным понятиям?.. Найти круг наваждения, в который попали эти люди и который

сделал абсурдным само их существование, — было для меня главным в процессе работы».

Не умея или не желая освободиться от давления нависших над ними обстоятельств, персонажи пьесы доводят словопрения до такого накала, что кажется и до катастрофы близко. Тихий дом мещанина оказывается вулканом, в котором человеческие страсти вот-вот выхлестнутся наружу и разрушат породившую их почву. Но нет, столкновения как будто затихают, как будто наступает отрезвление, намечается возможность взаимопонимания. И снова по какому-то случайному поводу разражается буря, герои неистово обличают друг друга.

Г. А. Товстоногов выявляет этот образ пьесы в особом ритме спектакля, «через смену трех состояний: скандал, перед скандалом, после скандала».

После всплесков скандала — как бы паузы: в них многое еще происходит, проговаривается, раскрывается, в них есть и трогательное, и забавное, и смешное. Но за ними — призрак назревающего нового скандала. Обыденность чревата трагедией, ибо очередной скандал не исчерпывает конфликта, наоборот, он делает его еще более гнетущим. Идет нескончаемая драма, которую Нил и в осуждение, и в насмешку называет «Ни туда, ни сюда».

В самом начале пьесы дочь Бессеменова Татьяна говорит: «И жизнь совсем не трагична, она течет тихо, однообразно... как большая мутная река». Ей вторит брат Петр: «Изо дня в день — одно и то же... На душу от этих прений садится какая-то копоть, ржавчина...» Жизнь мутна, пошла. Но Татьяна и Петр не делают ничего, чтобы изменить ее, растрачивая себя на слова, осуждение, оценки. Однако есть еще Нил, который деятельно относится к жизни, утверждая себя в ней своими поступками.

Есть и сам Бессеменов, отвергающий любую насмешку, любое посягательство на законы жизни, утвердившиеся в его доме. С хрестоматийной точки зрения Бессеменов типичный, «образцовый» мещанин, фигура явно отрицательная. Но вот что пишет о нем Г. А. Товстоногов: Бессеменов «последовательнее других, сильнее других, убежденнее. Он фанатично верит в незыблемость устоев своего мира. При этом мне хотелось сделать его предельно человеческим. Чем глубже будет он страдать от каждой потери, чем более страстным, одержимым будет он в стремлении предотвратить крушение своего мира, тем сильнее проступит бессмысленность того, что он делает». Для Бессеменова действие разворачивается как трагедия его собственной жизни, накрепко связанной с устоями, которые вот-вот пошатнутся. Именно такое прочтение образа превратило драму пошлости жизни в трагедию мира, разламывающегося под напором человеческих судеб, не укладывающихся в его законы.

Итак, современное понимание классической пьесы потребовало более глубокого истолкования сил, определяющих столкновение персонажей. От внешних примет жизненных коллизий нужно было прийти к пониманию самого механизма связей между персонажами и выразить его в особом ритме, в чередовании напряжения и ослабления действия. Все это послужило средством для возникновения активного, заинтересованного диалога между драматургом, театром и зрителем, между историей и современностью.

Таким образом, весь ритм, стиль, образ, язык спектакля призваны вести театрального зрителя к пониманию событий, жизненных проблем, получивших отражение в пьесе. Театр не навязывает зрителю какой-то определенной, жестко заданной оценки, а предоставляет ему возможность самому выработать свою точку зрения. Но

для того, чтобы это осуществилось, недостаточно одного режиссерского замысла, необходимо воплотить его в сценическом поведении актеров, обогатить его их индивидуальным видением и взаимопониманием.

Ансамбль

Театр. Подковообразный зал. Ряды кресел. Проходы. Возвышение сцены. Занавес. Гаснет свет. Занавес поднимается. Звучит музыка. Невидимый источник света озаряет красочную декорацию...

Можно, однако, отказаться от декораций. От музыки. От занавеса. От чего отказаться нельзя? От актеров, то есть от действующих лиц. И от зрителей. Остальное может быть приложено в зависимости от возможностей и обстоятельств, от характера пьесы и замысла постановки.

Кого теперь удивишь достоверностью декораций или массовыми процессиями на сцене? В кино все это может быть сделано с неограниченным размахом и притом с соблюдением иллюзии полной естественности происходящего; в театре же все условно, хотя перед зрителями действуют живые люди.

Такие старые приемы театра, как, скажем, портретный грим, форсирование звука, преувеличение силы чувств, отмечает Г. А. Товстоногов, уже не могут убедить современного зрителя, эстетические вкусы которого стали более тонкими. Зато усилилось воздействие приемов, рассчитанных на работу воображения, на способность зрителя чувствовать и мыслить по ассоциации.

Современный театр — это прежде всего театр действия. Что это значит? По-видимому, это качество лучше всего раскрывается через соотношение слова и действия, слова и физического движения актеров, слова и паузы. «Слова в современном театре, — говорит

Г. А. Товстоногов, — должны не слушаться, а входить в наше сознание через действие. Как только в театре начинают слушать слова — современный театр кончается».

Взаимопонимание между актером и зрителем достигается не только благодаря тому, что слышится со сцены, но и тому, что видится с подключением воображения. Благодаря работе зрительского воображения и постановке, рассчитанной на такое восприятие, за произносимыми словами и действиями актеров улавливаются глубины человеческих взаимоотношений, их скрытые мотивы, их связи с определенной социальной, культурной и исторической обстановкой.

Для действенности современной актерской игры, естественно, нужна соответствующая драматургия и соответствующая режиссерская интерпретация текста. Самым важным здесь оказывается выявление особого характера человеческих взаимоотношений, особого способа общения и взаимопонимания, присущего персонажам пьесы.

Драматург старается преломить свое видение времени и мира через конкретные взаимоотношения действующих лиц, через определенный тип человеческих взаимодействий. Все это должно создать тот общий рисунок драматического действия, на фоне которого может быть особым образом выявлен и каждый персонаж. Ведь человек раскрывает свои качества во взаимоотношениях с другими людьми. Поэтому и ансамбль спектакля не что иное, как такая взаимосвязь действующих лиц, воплощенная в актерской игре, в которой проявляются, взаимодействуют человеческие индивидуальности. Каждый персонаж, включаясь в эту взаимосвязь, должен особым образом выражать происходящее, как бы представлять особую точку зрения на разворачивающееся действие.

Ансамбль спектакля, идея ансамблевой игры предполагают особый характер репетиций. Репетиции позволяют найти, определить не только игровое взаимодействие актеров, но и тот строй взаимоотношений, ту психологическую атмосферу, которую они вместе и порознь призваны донести до зрителя.

Определяя с помощью режиссера особую тональность пьесы, актеры начинают перевоплощаться, впитывать в себя мир пьесы, как бы формируют в себе новые личностные качества. Необходимость такой репетиционной работы, по-видимому, тем выше, чем больше в пьесе «зазор» между сказанным и увиденным, или, как у А. П. Чехова, между сказанным и увиденным, с одной стороны, и реально происходящим — с другой.

Создание атмосферы взаимопонимания в процессе творческой работы на репетициях служит базой для перевоплощения актеров, для освоения ими не столько слов, сколько строя психики изображаемых персонажей, всей манеры их жизненного поведения и взаимодействия. Как проявляются взаимосвязи внутренних мотивировок характеров и поступков героев, образующие ткань спектакля, можно проследить, используя записи репетиций к спектаклю «Три сестры» Ленинградского Большого драматического театра, на примере двух его персонажей.

Основное пространство действия — дом Прозоровых, своего рода «оазис» в губернском городе: для одних он — средоточие благородной духовности, для других — символ необыденной жизни, для третьих — просто прибежище. В этом доме царит атмосфера мягкости, предупредительности, мечтательного лиризма.

Андрей Прозоров, брат героинь, женится и вводит в дом Наталью Ивановну, Наташу. Она человек не из «круга» Прозоровых, и это постоянно, хотя и по-разному, проявляется. Сначала она страшно смущается и сму-

щает сестер своим безвкусным нарядом. Затем постепенно забирает бразды правления домом. Потом уже делает сестрам замечания относительно их манер и туалетов. И в конце концов выживает их из дома.

Наташа последовательно присваивает себе все новые права в доме Прозоровых. Почему? Только ли из желания власти? Она стремится спасти дом, по ее понятиям, непрактичных, неприспособленных к жизни Прозоровых. У Наташи, как и у героев горьковских «Мещан», твердое представление о том, что именно ее понятия о жизни правильны и, если жизнь им не соответствует, надо подогнать ее под них; напористость Наташи приобретает еще и дополнительный ореол некой самоотверженности.

Врастание Наташи в атмосферу прозоровского дома как бы обостряет характеристики остальных персонажей. Возникает вопрос: почему все подчиняются ей?.. Слово режиссеру: «Вопрос существенный. Эти люди не могут противиться чужой воле. Об этом пьеса... Перечить Наташе — значит идти на скандалы, которые для сестер нестерпимы». Скандалить — это противоречит «кодексу» взаимопонимания, господствующему в доме Прозоровых. Здесь не выясняют отношений, как, скажем, в доме Бессеменова, а отдают предпочтение сдержанности, такту, безмолвному осуждению. Тем более что открытые столкновения могут обострить и без того запутанные отношения героев с действительностью. Выяснение истинной подоплеки взаимоотношений неизбежно влечет за собой гибель атмосферы благородства, взаимного дружелюбия, а вместе с нею и того мира надежд, которым живут сестры. Именно поведение Наташи обнаруживает, что в мире, сосредоточенном вокруг сестер Прозоровых, благородство, взаимная предупредительность, лиризм неразрывно связаны с безволием, бездеятельностью, подчинением жесткому

нажиму. Оттого-то нежелание знать правду оказывается одним из необходимых условий сохранения этой атмосферы. Оттого-то герои так боятся пьяного Чебутыкина, который, будучи на взводе, может назвать вещи своими именами.

Мир благородства, воспитанности, взаимной предупредительности, «замешанный» на бездеятельности, безволии, сознательном или полусознательном нежелании знать правду, оборачивается вялостью, страхом перед самой жизнью.

Распад прозоровского мира подталкивает Ирину к нелюбимому ею Тузенбаху, доводит отношения Тузенбаха и Соленого до дуэли. Но почему Соленый, этот «периферийный» для прозоровского мира персонаж, превращает драму в трагедию?

Этот персонаж тоже переживает глубокую личную драму, хотя она вроде бы и остается незамеченной, так как в непосредственном поведении Соленый отличается этакой лихостью, бравада его как бы противостоит очевидному драматизму жизни других героев пьесы. Но его заносчивость постоянно питается мотивами неудовлетворенности собой, болезненной реакцией на то, что его, по сути, не принимают за «своего» в кругу Прозоровых, проявляют высокомерное снисхождение к нему.

Понять уязвимость Соленого, эту его внутреннюю слабость зрителю необходимо, ибо именно они в конечном счете оказываются пружиной его нарастающего конфликта с Тузенбахом, ведущего к гибели барона.

Соленый вначале относительно сдержан, он ищет внимания окружающих, он, возможно, надеется преодолеть в себе ту скованность, которая мешает ему вступить в доверительный контакт с остальными участниками драмы. Но его неуклюжие попытки заинтересовать людей своей персоной лишь укрепляют насто-

рожденность по отношению к нему. Его стремление к пониманию все сильнее, его поступки все более вызывающие, атмосфера вежливой и иронической изоляции вокруг него все чувствительнее. Круг замыкается. Осознание логики поступков Соленого помогает понять тот кодекс взаимонедопонимания, соответственно которому можно не заметить, «замолчать» Соленого, а потом промолчать или недоговорить о вот-вот начинающейся дуэли... По словам Г. А. Товстоногова, «дуэль живет во всех разговорах подспудно, поэтому у персонажей как бы нет прямой необходимости немедленно действовать. Но, вскрывая все внутренние процессы, надо идти до логического конца. Только тогда можно ощутить истинную вину героев пьесы».

Кто способен выразить присущие персонажам мысли, чувства, все внутренние процессы в их взаимосвязи? Это задача актеров.

Кто может ощутить вину героев пьесы? Ведь в пьесе нет слов об их вине. Кто заполнит разрывы между словами, между сказанным и увиденным, между явным и подразумеваемым? Это должны сделать зрители. Вступая в ансамбль спектакля, они обнаруживают в нем правду, которую не могли или не хотели видеть герои пьесы.

Для того чтобы сыграть Чехова, нужен особый тип актеров. Для того чтобы поставить Чехова, «прочитать» его, нужна особая режиссерская интуиция. Так иногда говорят, обсуждая успехи и провалы чеховских пьес. И это верно. Что остается добавить?.. Нужен особый тип зрителей, напряженно и чутко постигающих атмосферу чеховской пьесы. Ансамбль спектакля — это не то, что мы наблюдаем со стороны, из партера или с балкона, это взаимопонимание между зрителями и актерами, установившееся в ходе постижения того мира, который предложил им открыть драматург.

Сотворчество

Спектакль находит свое завершение в зрителе, он замыкается в некое целое благодаря зрительскому восприятию. Поэтому все, что присуще театру, нужно рассматривать через взаимосвязь актеров и зрителей, через определенную, но постоянно меняющуюся форму их контакта, зависящую в конечном счете от конкретного времени, от характера развития общества, его культуры. С этой точки зрения все вещественные атрибуты театра — зал, сцена, занавес, декорации — могут быть истолкованы не просто как условия, при которых разворачивается театральное действие, но и как выражение такого контакта. Это имеет непосредственное отношение и к характеристике того места, пространства, в котором происходит встреча актеров и зрителей и которое мы именуем театром. Она определяется конкретной формой общения между актерами и зрителями.

В античном открытом театре-цирке актеры встречались с несколькими тысячами зрителей. Они должны были выразить действие как можно более ярко, рельефно, с тем чтобы события и связанные с ними чувства персонажей могли дойти до всех присутствующих в театре. Ключевое значение здесь имели не тонкости актерской техники, но именно способность актеров донести до каждого зрителя основное содержание действия. Актерские маски изображали чувства персонажей и, по-видимому, служили своего рода усилителями для голоса актера. События пьесы пояснялись хором, который уточнял обстоятельства, подготавливал эмоциональную реакцию аудитории, вступал в диалог с актерами.

Надо иметь в виду и особенности психики античных зрителей. Люди открыто выражали свои чувства

в поведении и речи. Если судить, например, по платоновским диалогам, можно предположить, что высказывание мыслей и проявление чувств на людях было обычным. Такая откровенность, открытость, «публичность» необходимы были, чтобы они могли быть восприняты другими людьми. Это проявлялось и в диалоге актеров и аудитории, сказывалось и на подаче текста, и на изображении действия.

Классический театральный зал, образцы которого сохранились почти во всех больших городах,— это результат развития прежде всего музыкального театра, возникшего в новое время. Для него характерна большая сцена: на ней можно разместить всех солистов, хор, кордебалет и декорации. Сцена от зрителей отделена оркестровой ямой. Там должен громко играть оркестр, а на сцене петь солисты, обладающие голосами незаурядной силы, хор профессиональных певцов. Драматические актеры чувствуют себя здесь менее уютно, и зрителям соответственно требуется часто большое напряжение сил, чтобы не упустить нить происходящего на сцене.

В пору расцвета музыкального театра партер, ложи, ярусы были своего рода зримым воплощением отношения зрителей друг к другу, их социального поведения. На обозрение представлялся не только спектакль, но и люди, занимавшие места в ложах и в партере, они как бы солировали перед остальной публикой. Как замечает теоретик культуры А. Мольт, «раньше человек, присутствуя на итальянской опере в своей ложе, откуда было плохо видно и слышно, но где он был на виду у публики, совершал акт социального поведения...».

Такая организация театрального пространства выражала определенную форму общения между актерами и зрительным залом. Вместе с тем она не располагала

ла зрителей к максимально полному включению в происходящее на сцене действие, к сосредоточенному соучастию в игре актеров.

Традиционный зал предполагает наличие многих посредников между зрителями и актерами; музыка, возвышение сцены, декорации — все это встает на пути, мешает непосредственному прямому контакту между ними. А именно такой контакт позволяет зрителям судить о театре не по вещественным его признакам, а прежде всего по способности актеров выразить мотивы поступков, настроения, чувства своих персонажей. Это, по-видимому, и порождает ныне тенденцию к созданию театральных коллективов, выступающих на малых сценических площадках перед небольшими аудиториями. Такая тенденция предполагает в идеале максимальное приближение зрителя к месту действия, включение его в «поле взаимоотношений» пьесы и соответственно максимальную соразмерность актерского и зрительского переживания. «Малый театр», отмечает А. Моль, требует от зрителя весьма ощутимого интеллектуального и культурного усилия. Зритель устанавливает общность с актером, он должен полностью «войти» в действие. Конечно, на практике эта тенденция в чистом виде не реализуется. Но она позволяет рельефно выявить особенности современной театральной ситуации, предъявляющей свои требования не только к тем, кто ставит спектакль и находится на сцене, но и к тем, кто приходит в зрительный зал.

От зрителя требуются внимательное отношение к правилам игры, сосредоточенность на характере сценического действия, готовность к пониманию персонажей в предлагаемых им обстоятельствах. Отдавая свои силы для воплощения воображаемых персонажей, актеры вправе рассчитывать на то, что и зрители, пришедшие в театр, постараются отвлечься от всего

постороннего и будут соучаствовать в том, что произойдет на сцене.

По наблюдению режиссера А. Эфроса, на так называемых «целевых» спектаклях, когда в зале собираются работники одного учреждения, реакции зрительного зала часто смещаются. Обстановка компанейства мешает глубине восприятия. «Смешанный зал, — утверждает он, — всегда прекраснее однородного и гораздо больше приучает к самостоятельному мышлению».

Современный театр ориентирован сам и ориентирует зрителя на нестандартное восприятие того, что происходит на сцене. Но ведь зритель не остается один на один со сценой, он находится в зале рядом с другими, нередко со знакомыми людьми. Это накладывает отпечаток на его реакцию, часто как бы подгоняет ее к некоему общему стереотипу. Осмысление происходящего задается тогда не собственной логикой сценического действия, а теми оценками, которые зрители «принесли с собой», или стихийно возникшей общей реакцией.

Реакция зрителей, растворяющая индивидуальное отношение личности к происходящему, естественная, скажем, для спортивных зрелищ, не отражает всей сложной гаммы отношений современного театра и публики. Не только на коллективную реакцию зала, но и на индивидуальное восприятие и понимание духа пьесы и характера актерской игры нацелен театр сегодняшнего дня. Зрителю предлагается выработать определенное понимание человеческих отношений, обрести и какое-то новое понимание самого себя, обновить свои чувства и оценки. Иными словами, театр обращается к зрителю как к личности, способной развивать свои представления, и хочет видеть в зрителях не безликую массу, но как бы ансамбль личностей, связанных общим стремлением к соучастию в театральном действии.

Оптимальный вариант организации театрального пространства для такой встречи актеров и зрителей, видимо, пока еще не найден, но поиски в этом направлении ведутся. На одном из недавних конкурсов по театральной архитектуре первую премию получил проект театра индивидуального восприятия. Он представляет собой амфитеатр, рассчитанный на 450 мест, с трех сторон возвышающийся над площадкой сцены. Каждый зритель оказывается в первом ряду своего яруса, каждый находится не далее чем в 12—15 метрах от сцены. Но главная особенность в том, что каждый располагается в индивидуальной ложе-кабине. Авторы таким образом стремятся создать условия для глубокого индивидуального восприятия, устранить взаимовлияние зрителей, предоставить каждому наиболее полную свободу эмоционального выражения. Контакт зрителей не исключается, они видят друг друга, могут обмениваться впечатлениями во время антракта в фойе. Но в ходе сценического действия, безусловно, доминирующим оказывается контакт «зритель — сцена», «зритель — актер», требующий максимальной активизации индивидуально-го восприятия, сосредоточенно личностного «вникания» в судьбы других людей. Конечно, в этом много спорного. И пока неизвестно, будет ли такой проект реализован, когда и где. Да и не в этом, в конце концов, дело. Современность спектакля определяется не зданием и не конструкцией площадки, а, повторяем, взаимоотношением актеров и зрителей, их готовностью к сосредоточенной работе взаимопонимания.

До начала спектакля актеры и зрители еще не представляют собой ансамбля. Они пока еще разделены сценической рампой не только в буквальном, но и в переносном смысле. У них разная подготовка к спектаклю. Но когда спектакль начинается, зрители, вживаясь в условность данного представления, привыкая к пред-

лагаемому освещению обстоятельств действия, к характеру игры актеров, постепенно настраиваются на определенную волну взаимопонимания, вытягиваются в сопереживание.

Отклик зрителей на происходящее не обязательно требует громкого проявления чувства, он может выразиться и в улыбке, и в усмешке, и просто в неослабевающем внимании.

Втягиваясь в действие и сопереживая жизни персонажей, зритель, как и актер, проделявает определенную работу, углубляет свои представления, обнаруживает то, что недосказано и недоопределено текстом. Используя выражение П. Брука, можно сказать, что «актер и зритель отличаются друг от друга только функционально, а не по существу». Для зрителя, как и для актера, едва ли не главным материалом этой работы оказывается собственная жизнь, мысли, чувства, воля, собственная личность. Но зритель изменяет понимание себя, свое понимание другого человека под влиянием тех чувств, стремлений, поступков персонажа, которые предлагает ему актер.

Персонажи драматического действия стремятся чего-то достичь, что-то сделать, кого-то убедить, что-то объяснить. И зритель активно сочувствует им, пытаясь понять, чего они не достигли, чего они не сделали и не смогли сделать. У персонажей пьесы и зрителей образуется общее «поле» вопросов, проблем, трудностей, непознанного и неосуществленного. И зрители стремятся допонять, доопределить, доценить то, что предлагают им герои пьесы. Взаимопонимание здесь выступает не как готовый результат, а как взаимосвязь и общая устремленность чувств, интересов, мыслей.

Зритель следует за каждым душевным движением героя, проходит различные эмоциональные состояния

в своем сопереживании происходящему. Разворачивающееся перед ним действие, меняющиеся на его глазах характеры делают отчетливыми тончайшие оттенки связей между мыслями и чувствами людей и их взаимодействиями.

В определенном смысле зрители знают больше, нежели отдельные персонажи; они видят и слышат все, что непосредственно происходит на сцене. И уже поэтому они не могут не сочувствовать персонажам, оказавшимся в драматической или трагической ситуации. Поэтому и сочувствие зрителя, опирающегося на свой жизненный опыт, на воображение, обостренное происходящим на сцене, оказывается состоянием, близким к содействию. Не случайно во время паузы на сцене зритель начинает как бы действовать за актера, замечает актер С. Юрский. «Пробуждается его мысль, его фантазия. Зритель из сочувствующего превращается в человека, находящегося в данных обстоятельствах... Пауза — время творчества зрителя... И когда в прекрасном спектакле наступает пауза, все — и тот, кто играет, и тот, кто смотрит, — объединяются в удивительном творческом усилии — постижении истины театром и домысливают то, чего не выскажешь словами».

Итак, взаимопонимание обретается через внимание, сопереживание, через потрясение. Оно приобретает множество оттенков в процессе развертывания спектакля — от сцены к сцене, от паузы к паузе, от действия актеров к мысли зрителя. В глубоком и захватывающем спектакле зритель проживает целую жизнь, оживляя и уточняя свои представления о человеческих взаимосвязях, по-новому оценивает свое отношение к миру. Выйдя за порог театрального подъезда, он, может быть, еще не раз вернется к тому, что было сказано и недосказано со сцены, прочувствовано и недочувствовано им в ходе спектакля. Театр дает человеку новые аргументы

в его диалоге с жизнью, и задача личности не утратить их, а бережно использовать для обогащения своих связей с миром.

Театр ощутимо выражает общую потенцию искусства всесторонне развивать способность людей к взаимному пониманию. И он же по-своему определяет идущее «со стороны» искусства к зрителю (читателю, слушателю) требование максимально возможного сопереживания творчеству художника (актера, писателя, музыканта, живописца).

Почувствовать это требование — значит открыть для себя неисчерпаемые возможности постижения человека и мира, который в нем и вокруг него.

Заключение

Подведем итоги. Мы убедились, что проблема взаимопонимания охватывает вопросы и предметной деятельности, и творчества, и развития личности, и познания. И во всех случаях понимание другого человека, открытие новых предметов познания и деятельности, создание новых условий жизни с необходимостью предполагают изменение и обновление нашей собственной позиции, нашего внутреннего мира, следовательно, обуславливают наше личностное развитие.

Взаимопонимание в наиболее развитой, развернутой форме возникает на основе взаимосвязи, взаимоустремленности желаний, интересов, мыслей. Для этого непременно должно существовать нечто общезначимое, в равной мере затрагивающее людей, стремящихся достичь взаимопонимания. В зависимости от ценностного наполнения, от существа этого связывающего людей начала можно говорить об уровне, глубине взаимопонимания. Ведь оно может возникнуть и между зеваками, случайно оказавшимися свидетелями какого-нибудь уличного происшествия, то есть по поводу несерьезному, незначительному, с исчезновением которого исчезает и сиюминутная связь индивидов друг с другом.

Взаимопонимание как устойчивая, глубокая связь характерно для людей, объединяемых общей высокой

целью. И чем значительнее эта цель, тем крепче узы взаимопонимания, связывающие стремящихся к ее осуществлению людей. Недаром связанных тесными узами взаимопонимания людей называют единомышленниками.

От уровня взаимопонимания во многом зависит сплоченность любой социальной ячейки, группы, начиная от первичной клеточки общества — семьи и кончая трудовыми коллективами, общественными организациями, партиями. И не только сплоченность, но и эффективность, результативность их деятельности. В то же время взаимопонимание внутри любой общественной, политической организации, а следовательно, и ее жизнеспособность обусловлены степенью научности ее идеологических позиций, ее подхода к анализу исторических явлений, тем, насколько определены ее цели, сколь масштабны задачи, которые она ставит. Не случайно самым жизнеспособным политическим движением нашей эпохи стало коммунистическое движение, объединившее в своих рядах миллионы единомышленников со всех континентов.

Взаимопонимание не дается людям в готовом виде. Оно вырабатывается, устанавливается в процессе предметно ориентированных и действенных взаимоотношений. Взаимопонимания невозможно достичь, если не найдено, не определено общее содержание деятельности, размышления, спора. Бездейтельное взаимопонимание не может быть прочной связью людей.

Социалистическое общество кровно заинтересовано в высоком уровне социального взаимопонимания, в его углублении, дальнейшем развитии во всех сферах общественной жизни. На это нацелена идейно-воспитательная работа нашей партии, пропаганда, агитация. Недаром в последнее время на необходимость улучшения, совершенствования этой работы обращается особое

внимание. «...Мы уже сегодня хорошо чувствуем, насколько возрастают темпы продвижения вперед, когда идеологическая работа становится более эффективной, когда массы лучше понимают политику партии, воспринимая ее как свою собственную, отвечающую кровным интересам народа», — сказал Ю. В. Андропов в речи на июньском (1983 года) Пленуме ЦК КПСС. На Пленуме отмечалось, что одна из важных задач идеологической, массово-политической работы, политического просвещения — добиться, «чтобы каждый глубже понял политику партии в условиях сегодняшнего дня, умел применять на практике получаемые знания, яснее представлял себе и выполнял на деле свой собственный долг»¹.

Взаимопонимание важно не только для морально-политического единства народов СССР, каждой социалистической страны, но и для укрепления сотрудничества и сплоченности мира социализма в целом. Конечно, такое сотрудничество, экономическая интеграция, идейное сближение братских народов, укрепление чувства общности исторических судеб, обмен ценностями культуры развиваются с учетом особенностей и специфических интересов каждого социалистического государства. «Вместе с тем, — подчеркивалось на Пленуме, — совместно определяемый общий курс будет все более прочным сплавом мнений и позиций братских стран... Чем выше и чем ближе друг к другу будут уровни общественного развития стран социализма, тем больше будет между ними взаимопонимания, тем органичнее, богаче и глубже будет их сотрудничество»².

Развитию человеческих контактов, углублению взаимопонимания призвано служить и искусство. Луч-

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 года, с. 5, 6—7.

² Там же, с. 22.

шие его произведения, обращаясь к самым острым, жгучим проблемам современной жизни, помогают людям раздвинуть горизонты понимания мира, осознать свою причастность ко всему происходящему, преодолеть взаимоотчуждение и разобщенность, способствуют выработке активной гражданской позиции личности.

На заре человечества взаимопонимание между людьми было необходимым условием самого их существования. В современном мире, стоящем перед лицом глобальных проблем, для решения которых нужно объединение усилий всех, или почти всех, народов земли, взаимопонимание вновь обнаруживает свою «корневую» для человеческого существования функцию. Действительно, ни одно государство не может в одиночку, самостоятельно решить проблему сохранения среды обитания людей, проблему преодоления отсталости некоторых стран, наконец, проблему мира, занимающую доминирующее положение в иерархии глобальных проблем. Для того чтобы их решить, нужно выработать общее понимание этих проблем, найти взаимоприемлемые пути преодоления противоречий, порожденных разделением мира на противоположные социально-экономические системы. Трудности эти объективного характера, но их можно и должно преодолеть. Достижение взаимопонимания поможет, должно помочь человечеству избавиться от общей опасности. Оно не стирает, конечно, государственных, социальных, классовых, культурных различий, которые непосредственно воплощаются в жизни людей, а требует их учета при установлении человеческих контактов.

И происходящие события показывают, что идеи мира, стремление сохранить его являются как раз той самой гуманной общечеловеческой духовной ценностью, которая, несмотря на все различия, позволяет людям разных стран и континентов достигнуть взаимопони-

мания. Никогда еще история не знала такого поистине всемирного единения народов, как то, которое воплотилось в современном антивоенном движении. Люди доброй воли подняли свой голос протеста против производства и размещения в Европе нового американского ядерного оружия, вступили в борьбу за предотвращение термоядерной войны, к которой толкает человечество авантюристическая политика империализма, за спасение нынешних и будущих поколений людей от ее губительных последствий, за сохранение жизни на нашей планете.

Итак, взаимопонимание оказывается условием сотрудничества между людьми, плодотворного практического участия личности в жизни общества. Долг каждого — содействовать его установлению и углублению. И в этом — суть дела.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
У ИСТОКОВ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ	10
<i>Прежде чем разделывать тушу</i>	—
<i>Образ действий</i>	17
<i>Сознание людей</i>	21
МЫ И МИР	32
<i>Эксперимент</i>	—
<i>«Ты» и «я»</i>	36
<i>Игра и правила</i>	41
<i>Смысл вещей</i>	47
<i>В мире слов</i>	50
<i>Общий язык, или «Что новенького?»</i>	59
<i>Правила в игре</i>	68
<i>Требования жизни</i>	72
ДИАЛОГ	80
<i>Почему театр?</i>	—
<i>Условия игры</i>	84
<i>Ансамбль</i>	90
<i>СОтворчество</i>	96
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	104

Кемеров В. Е.

К35 **Взаимопонимание (Некоторые филос. и психол. проблемы).— М.: Политиздат, 1984.— 109 с.— (Филос. б-чка для юношества).**

Какова роль взаимопонимания в становлении общественных связей? Какое место занимает оно в жизни каждого из нас, как оно возникает, какие объективные условия необходимы для этого и что может сделать сам человек? Как помогает развитию способности людей понимать друг друга искусство, и в частности театральное искусство? Анализируя эти вопросы, доктор философских наук В. Е. Кемеров привлекает интересный исторический, психологический, искусствоведческий материал. Книга адресована молодежи, интересующейся актуальными проблемами философской науки.

К $\frac{0304000000-225}{079(02)-84}$ 166—83

88.5
15

Вячеслав Евгеньевич Кемеров

ВЗАИМОПОНИМАНИЕ

*Некоторые философские
и психологические проблемы*

Заведующая редакцией

Р. К. Медведева

Редакторы

М. А. Лебедева и О. Ю. Маршанкина

Младшие редакторы

Ж. П. Крючкова и Е. С. Молчанова

Художник

А. О. Семенов

Художественный редактор

Г. Ф. Семиреченко

Технический редактор

Е. Ф. Леонова

ИБ № 3793

Сдано в набор 17.08.83. Подписано в печать 03.01.84.

Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага типографская № 1.

Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать офсетная.

Условн. печ. л. 4,9. Условн. кр.-отт. 10,15. Учетно-изд. л. 4,52.

Тираж 100 тыс. экз. Заказ 3724. Цена 15 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».

103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

15 коп.

У истоков взаимопонимания
Сознание людей
Взаимопонимание в жизни человека
Мы и мир
Игра и правила
Требования жизни
Искусство — «катализатор»
способности к взаимопониманию
Почему театр?
Сотворчество

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

